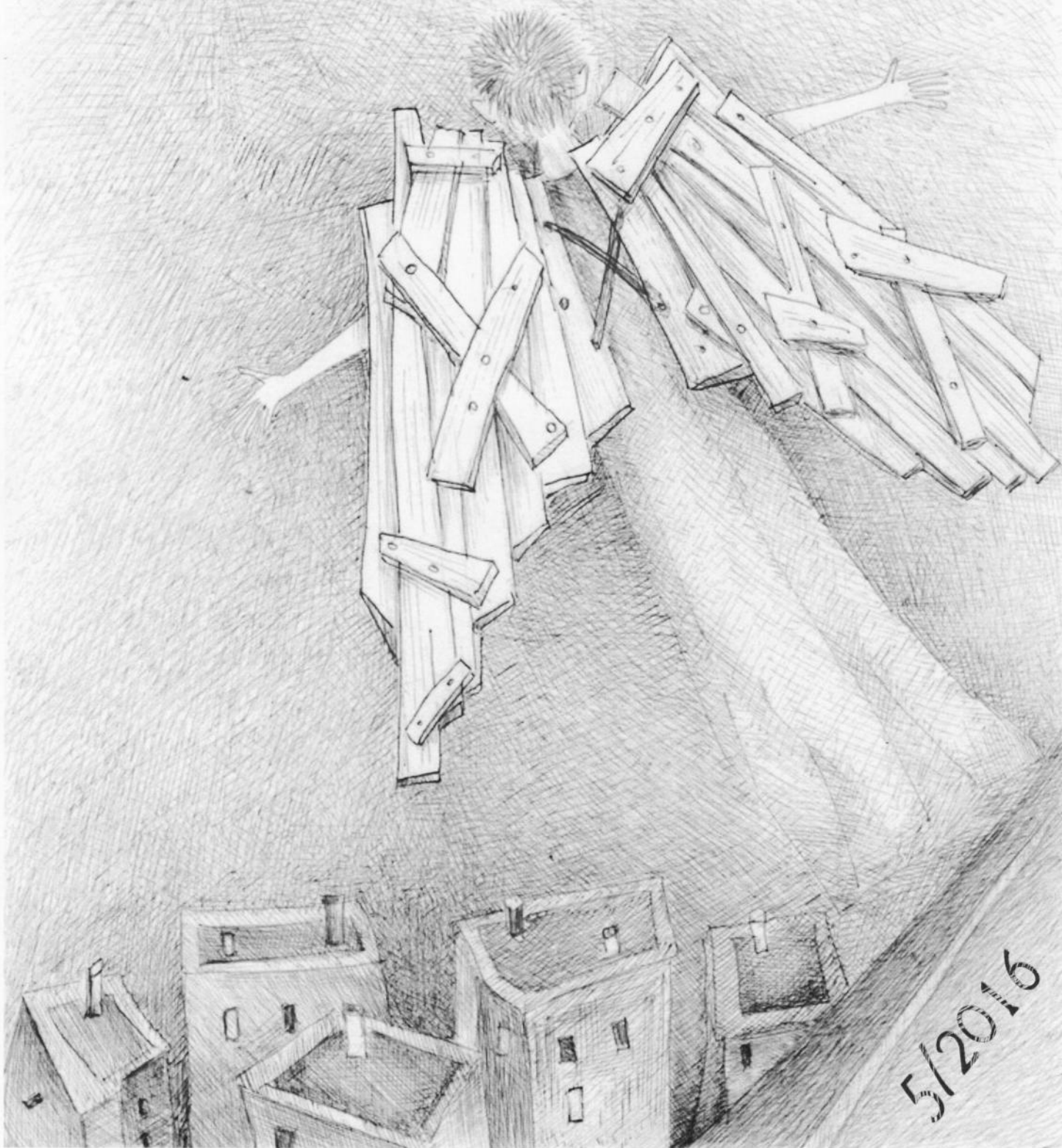

Литературный объектИФФ

Литературный альманах
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЪЕКТИФ
Выпуск 5

Зарегистрирован в Международном центре ISSN 27.01.2015.
ISSN 2410-8766. Издается с 2014 г.

Отпечатано редакционно-издательским отделом Полоцкого государственного университета
ЛП № 02330/278 от 08.05.2014.

Дизайн обложки *Е. Мясникова*
Подписано в печать 06.05.2016. Формат 60х84½. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 6,28. Уч.-изд. л. 5,81. Тираж 60 экз. Заказ 895.

Министерство образования Республика Беларусь

Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Историко-филологический факультет

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЪЕКТИФФ

Литературный альманах

Основан в 2014 году

Выпуск 5

Новополоцк
ПГУ
2016

Редколлегия:

А.И. Мозго (отв. редактор),

Д.А. Лабовкин,

С.В. Гочаков

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор,

член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» *А.А. Гугнин*;

кандидат филологических наук, доцент *Н.Б. Лысова*

В альманахе представлены художественные литературные произведения, переводы и публицистика. Целью издания является развитие и продвижение литературного творчества студентов и преподавателей Полоцкого государственного университета, а также привлечение внимания к текущему литературному процессу.

ПОЕЗИЯ

ТАЦЦІАНА БАГАРАДАВА

Зімовае

Велічных нябёсаў акварэль
Паглынае студзеньскую стынь.
Шэрані бахмацістая гжэль
Уяўляе прывідную плынь.

Зранку фанабэрысты мароз,
Захінуўшы ў футра гарады,
Зноў завею з Поўначы прынёс,
А цяпло ўсё забраў туды.

На дварэ гарэза-дзеўчыне
З сіняю ільдзінкай у вачах
Пасадзіла ў санкі кацянё,
Каб зімы пераадолець страх.

Ля пад'езда снегавік застыў –
Моўчкі трэ пачырванелы нос,
І зімовы казачны матыў.
Завірухай коціцца з нябёс...

Настрой

...А наўкола – водар і бэз
Ды ў белае квецені лес!..
Месяц на нябёсы ўзлез,
Бы на волю выскачыў бес.
Без падставы светлы настой;
У сэрцы цеплыня і спакой;
І сам-насам добра з сабой
Адысці знямелай душой;
Пад квяцістым пышным кустом
Адмысловы збудаваць дом.
Каб зімы забыўся фантом,
Бегчы ў свет галавы на злом!..

Над прамерзлымі слізкімі дахамі
Прачынаецца новы дзень.
Учарашнімі дразніцца страхамі,
Выпускаючы сонца прамень.

Зноў гуляе пажоўклымі клёнамі
Ў закінутым парку старым
Ды дажджамі ілье, як праклёнамі –
Зачыняе нябёсы зусім.

Раздае парасоны квяцістыя
Неабачлівай шчодрой рукой,
Летуценні святыя, празрыстыя
Пасылае ў душу – і спакой.

З верай у светлае заўтра дзівоснае
Сціплы месяц за хмарку палез,
А па сцежках, бы яблыкі росныя,
Знічкі хуткія коцяцца ў лес!

Маладосць сінявокая, дальняя
У сваёй непасрэднай красе!
Бы ў бурштыне, празрыста-крыштальная –
Па табе так сумуюць усе.

Ходзіш сцежкамі ты нетапанымі,
Дорыш першага шчасця глыток:
Захапляешся ранкамі п'янымі,
Адкідаючы смутак знарок.

Ты прыходзіш у дзяцінства гарэзнае
І змяняеш яго назаўжды,
Занімаючы месца пачэснае,
Адыходзіш затым у нікуды.

Саступаеш маркотна і нехаця
Чуйнай сталасці прывідны шлях:
Толькі своеасабліваю веаю
Адаб'ешся ў самотных вачах!

АЛЕКСАНДР ГУГНИН

Я в даль иду – какая бездна дали!
 Весь путь пройти уже не хватит сил.
 Связав узлом заботы и печали,
 Я сам себе свободу подарил.

1997, декабрь

В апреле

Зима прошла. И дышит лёгким паром
 К обеду подбравшая земля.
 В селе повсюду вспыхнули пожары –
 Костры горят, сжигая зимний хлам.

И мы сгребем граблями и метлою
 Всё, что должно забыться и сгореть,
 И ты сама сожжёшь, своей рукою,
 Что не сумели сжечь мы в сентябре.

1963, ноябрь

В раю

Я вновь в Раю. Но сад заброшен.
 И Евы тоже рядом нет.
 Какой-то грех меня тревожит.
 Но сад засох. И яблок нет.

Зачем мне яблоки?.. Не знаю...
 Чтоб грех какой-то совершить...
 Хотя грехам я счёт теряю...
 Но надо яблоко вкусить...

Ищу, ищу – одно увидел.
 А вот еще одно висит.
 Вдруг вспомнил: враг мой грех предвидел –
 От яблок почка заболит...

Глазами вглубь ветвей впиваясь,
 Я пять уж яблок насчитал.
 Но Евы нет. В грехах теряясь,
 Я все пять яблок обкусал.

Сижу. Жую. И жду последствий.
 Навстречу грозный страж идет.
 То сторож бывший, дед столетний:
 «Неурожайный нынче год!...»

12.08.2015, Куликово

А если осень на дворе!
 А если осень в сентябре!
 Берёзы золотом горят –
 Ну чем не свадебный наряд!

Но с кем же свадьбу нам сыграть
 И жизнь красивую начать?
 Ах, осень, осень на дворе,
 Ах, осень, осень в сентябре!

Ах, осень, где мои года? –
 Вы убежали навсегда.
 И все, в кого я был влюблен,
 Ушли в осенний перезвон...

Но всех по-прежнему люблю,
 И всех в душе своей храню.
 И вы подруги, поздних дней,
 Живёте все в душе моей.

И вы подруги, юных лет, –
 Я шлю вам пламенный привет!
 Я всеми вами восхищён
 И шлю вам искренний поклон!

Я днём сегодняшним живу
 И по волнам любви плыву.
 Любовью вечной мы живём
 И вместе в вечность приплывём...

17.09.2015

Ах, осень пылкая моя
 Ты хочешь к юности вернуться,
 И в чан поблекший бытия
 Как в чашу счастья окунуться?

Да, очень хочется сейчас
 В ржавеющих лучах заката
 Пуститься в беспробудный пляс –
 Без протрезвления и возврата!

И снова юность пережить,
 И снова розы рвать ночные,
 И встречным девушкам дарить,
 И плыть в безудержной стихии...

17.09.2015

АЛЕКСАНДР ГУТНИН

Ели на вече собрались
В узкий, но избранный круг.
Зеленью темной сгущая
Позднюю осень вокруг.

Звали меня на собрание?
Нет, без призыва пришёл.
Словно я жду здесь свиданья,
Важное что-то нашёл.

Осень небесные своды
Сводит почти до земли –
Как далеко от природы
Грешные люди ушли.

Я постою молчаливо,
Я – посторонний, не свой...
Боже, как это красиво
Ночью стоять под луной!

Краски и мысли – другие.
Горе и боли – всё прочь!
Хвойны напитки хмельные
В эту роскошную ночь!

23.10.2015

Осенний дождик всё сильнее
И зелень блекнет и сникает,
И за окном мне всё видней
Как осень лето вытесняет.

Так годы тяжкие мои
Теснят и юность и порывы,
Хотя душа полна любви
И чувства все, как прежде, живы.

Зима пришла, зима ушла
В извечном дне круговороте,
Но молодость моя ушла –
Её никто уж не воротит.

Осталось только вспоминать
Былые взлёты и падения,
И их, как карты, тасовать,
И пить вино для утешенья.

И книжки старые листать,
И письма давности глубокой
Читать, листать – листать, читать –
Как отблеск юности далёкой.

23.10.2015

Пегас зовет в дорогу

Играет музыка в душе.
И из динамика играет.
А за окном октябрьский день
Ноябрьским мраком наползает.

И всё же радость не унять, –
И из тисков житейской стужи
Мне посчастливилось сбежать, –
Надеюсь, что не станет хуже.

Всевышний помнит обо мне,
И верный конь давно скучает,
И свет вдруг замерцал в окне –
Пегас мой крылья распрямляет.

Ах, полетим мы, полетим!
Ах, позабудем все заботы!
И труд нетленный завершим
Перед последним поворотом.

И труд последний завершив,
Я обращу свой голос к Богу:
«Спасибо, Боже, за мотив –
Я спел... И вновь готов в дорогу!»

30.10.2015

МАРИНА ШУХАНКОВА

Упал календарь
У зеркала в прихожей.
Время выходит...

Всё отчётливей
Линия на ладони.
Постигаю жизнь.

Старый монах
борется с последним сном...
Ещё не готов...

Уставший путник
в дорожной пыли
ищет смысла...

Юность нанизалась жемчугом
на нить жизни.
Четки памяти.

Стрелка часов и ритм дыхания –
вечное соревнование.
Без победителя.

Закрыв глаза,
пытаюсь выпросить тебя у памяти.
Файл удалён.

Мудрость – ребёнок,
вскормленный молоком боли.
Благословляю голод.

В ювелирном магазине –
выбор нательного креста.
Горькая улыбка Иисуса.

Столько глаз повидав,
поумневшими возвращаются к твоим
мои глаза...

Остроконечный алмаз
округляется в руках огранщика.
Будет как все.

В запыленных сандалиях счастье
тщетно стучится в двери...
Несчастные глухи.

Слушаю тебя.
Соединяюсь с прошлым
спиралью слова.

Господь оставил
Небо только избранным
Чтобы не помнить

Научившись отказывать
потеряла многих.
Нашла себя.

Летнему мотыльку на моей ладони
рассказываю о зиме.
Фома неверующий.

От тебя до тебя –
только перо и бумага.
Нет права на голос. Нет голоса.

Поумнеть до отрицания прошлого
в твоём безразличии...
...Жгу дневники.

Сублимация нежности
в этих брошенных крыльях
в ожидании тебя...

Прежде, чем уйдёшь,
сделай меня непохожей
на всё прошлое...

Утренний луч
сквозь крестовину окна
ищет меня.

Исписана стихами
Огромная тетрадь.
Отсырел камин.

Море позволит
Оставить след на песке,
Прежде, чем войдёшь

К подножию пирамид
Уже спустился рассвет...
Хронос всё спит...

Многоточием в этот раз
Рассыпалась
Точка Невозврата.

И в ЭТОМ городе
уже не ищешь себя –
Внутри вселенная...

ТАКАЯ ДИНАМИКА

Nosce te ipsum

Я не могу твои мысли читать
С точностью ясновидца,
Что я могу тебе нужного дать?
Чему – у тебя научиться?

Ты прячешь за маской живое лицо,
Истину – за полуправдой.
Какой из советов седых мудрецов
Станет к тебе переправой?

Трудно задачу решить мудрецам,
Их разум в потемках хромает:
Как можно познать кого-то, кто сам
Себя ещё не понимает?

Поэтессе от её лирического героя

Есть люди, которые могут достаточно просто
вписаться в свой мир микросхемой на плате.

В своем уюте, сколькими миллиметрами роста
они за это заплатят?

Молчать и держать всё в себе – дальновидно,
Зажмуриться и не делать резких движений.

Так сложилось: одним – их бытие очевидно,
Другим же нужно признание их достижений,
потому что иначе их как бы не существует...

И опять – из последних сил, начинать всё сначала...

Ты плакала, пела, молила, кричала...

Но мир так устроен.

И если, подобно роялю, я плохо настроен,

То ровно настолько чужд творения веществу я...

Если бы ...

Если бы у меня был ребенок, почему-то с большими глазами,
и я бы его наставляла занудно, –
Детка, ничего не делай тайно от Бога – я бы ему, наверно, сказала, –
ты только представь, как ему с нами трудно.
Ты сам изнутри себя знаешь нечетко,
а он бесконечный, огромный и сложный (мудрёные в мире бывают системы).
Конечно, у всех непростая дорога, тебе или некогда, или проблемы,
Но ты их решаешь, усердно, как пчелка.

Подумай, вот ты – мироздания частица,
таких, как ты, много, и каждый прекрасен,
И явно вокруг тебя в мире творится
что-то, с чем ты ну совсем не согласен,
Ведь можно же как-то договориться,
ведь каждый имеет голос и право...
Отдельно ты правды не сможешь добиться, –
она многосложна и тысячеглава,
она не рассчитана на кого-то,
в ней – сотни ошибок и верных решений,
в ней – каждого поиск, а Бога – забота,
Женя,

и если ты все придумал, как надо, а Он не знает,
подумай, а вдруг твоя мысль – преграда, ему мешает...

Пользователю

«В ближайшие дни будет прохладно, дождливо.
Курс доллара вырос, а евро – подешевел».
Живёшь где-то ты несчастливо или счастливо.
Кто знает? У каждого – свой удел.

Что ищешь, запутавшийся во всемирные сети?
«От скуки» или случилась какая беда?
О чём вопрошаешь, часы проводя в Интернете?
Что важно сегодня, а что для тебя – ерунда?

Какой ты, с надвинутым плотно забралом,
Под «никами» скрытый, с чужим аватаром-лицом?
Окажешься кем ты? Хорошим, покладистым малым?
Иль, очень быть может, отъявленным подлецом?

Но, кем бы ты ни был, открою тебе по секрету
Нехитрую истину (можешь сказать и другим):
Уж точно не блоггеры крутят сегодня планету,
А личного счастья секретик не Гуглом храним!

Выходи!

Выходи-ка, друг, из «виртуала»!
Разве на земле занятий мало?
Чем на игры в «нете» тратить жизнь,
Ты в реальности со злом сразись!

Что слабо, дружок? Дрожат коленки?
Нету ни «базуки», ни меча?
Что же робко жмёшься там у стенки?
Али кровь твоя не горяча?

Или тощий мозг, что в дряблом теле,
Веский отвергает аргумент?
Что же ты, дружок, в самом деле...
Мысль потренируй, лови момент:

Ты прикинь, пока ты в «банах»,
Или свой сажаешь «райский сад»,
Шарит, ведь, злодей в твоих карманах,
На детей направил автомат...

Поразмысли: а не он ли, часом,
Для тебя занятие нашёл?
Закупил все «чаты», «блоги» разом,
Чтоб в «реал» ты нос свой не совал?

Космическое

Мрачный умник Уильям Хокинг
Отпустил сотню лет для Земли,
После – чёрной бездны смокинг
Все покроет надежды твои,
Человек, ты веками на звёзды
С затаённой надежной взирал –
Там спасись, когда будет «поздно».
Методично свой дом засорял.
Да, галактик заманчива тайна,
Но «Энергия», «Аэроджет» –
Пики двух полюсов не случайно.
Полюсов, коих вроде уж нет...
Неуютной казалась планета –
Не ухожен единственный Дом.
Нужен новый. И в слух про это:
«Мы на Марсе сады разобьём!
Зацветёт!» А подумалось сразу:
«Там построим военную базу!»
(Мы – на Марс, коль они – на Луне)
«Уважать враги будут вдвойне».
И «в аллюр» – вычислять центр масс.
Так родился проект «Модуль-Марс».
«Мы откроем просторы Вселенной!»
Убираться ж на родине лень...
Я не против полётов к звёздам
И героев космических чту,
Но, давайте, пока не поздно,
Наведём на Земле чистоту:
В отношениях международных,
В душах, в помыслах, городах,
В океанах, бассейнах водных,
На дорогах, в домах и умах.
И тогда, поглядев на нас,
Подмигнёт красным глазом Марс.

Бухгалтерия чувств

Отношения – сторнированы,
эмоции – депонированы:
Бухгалтерия чувств –
чёрствым быть учусь.
Сублимирован ум перегонкой пустой,
остальное – в «отстой».
В архаику – «воды внешние»,
на ревизию – души грешные.
И в утиль – всю эмпатию.
Не дела красят нынче, а платия...

ЕЛЕНА ГАЙДАМОВИЧ

Я буду сама

Случайные люди
Не раз говорили,
Что счастливы очень они ЗА меня.
Позвольте, позвольте-ка,
Не торопитесь. Сама буду счастлива.
Буду сама!

Хотите страдайте,
болейте, терзайтесь –
Вот это, пожалуйста, всё ЗА меня.
Но счастье – не дам!
И не унижайтесь. Сама буду счастлива.
Буду сама!

Делиться умею,
не хмурьте же брови!
Хотите быть счастливы? Будьте СО мной.
Отдать – не отдам.
Но делюсь я «с душою».
В обменном бюро вариант лишь такой.

Давайте писать

Давайте писать «ни о чём»
И лгать, вдохновенно лгать!
Тогда жизнь забьёт ключом.
Ох, как будут нас читать!

Давайте напишем роман,
Нет, оду дивану, стене.
Мы будем строчить, рифмовать,
Захлёбываясь в слюне.

Стараясь себе доказать,
Что значимы мы, о-го-го!
Возьмёмся шедевр создавать:
Великое - из ничего!

Пусть страсти потухли давно,
Со скрипом «любовь» воскресим.
Что ямб, что хорей – всё равно -
Рифмуй из последних сил!

И тоннами, сотнями слов
Заткнём бытия пустоту.
В прореху, что в нас насквозь,
Подохшую видно мечту.

Хлусня

Пустка ў маёй душы,
Колка, мулка, ды крычаць – ахрыпла...
Веры – што вады
у дзіравым гладышы...
Да вакон сумненні прыляпілісь сціпла.
У хаце – неспакой сцелецца тугі,
Запаўняе мозг, нямыты посуд...
Павадка хлусні топіць берагі,
Вусны ў аняменні шэпчуць: “досыць!”

Дыялог

Прывячаецца Я.Н. Драздовічу

Спытаўся Бог аднойчы валацугу,
той “Трокі і валокі абыйшоў”,
Не меў нічога, не прыйшоў нікуды:
“Што, чалавеча, у жыцці знайшоў?
Бадзяўся па зямлі – “куска” свайго не меў,
Дзе прыдзецца – там спаў, з чужое ласкі еў,
Усё жыццё ішоў і, зрэшты, лёг
на мяккі пыл дарог...”

Што бачыў добрага?” – спытаўся Бог.
Апёршыся на кій, з усмешкай чалавек
Крэатару сказаў: “Нябесны бачыў бег!
На Месяцы – людзей і дрэвы, гарады...
у марак, Божа мой, я адлятаў туды!
Платонаў бачыў Цырк і Артаполіс строгі,
у Гарадольскай пушчы паабхадзіў дарогі!
Стадолішча, Пунькі і Гараватка –
гасціннай для майстра была любая хатка!
Наіўных мрояў дываны я землякам дарыў
і Дзісенскай, сваёй зямлі, рамантыку адкрыў!
У “вялікіх шышак,” мімаходзь, ствараў праблемы,
і напісаў

“Гармонію планетыў Сонечнай сістэмы”!
Што добрага было, а што блага,
Сам ведаеш, як кажуць землякі:

“Усё – ад Бога!”

ЯНА ЗЕНЬКО

Не забірай мае Ты карані

Не забірай мае Ты карані,
Не дай, каб зніклі ўспаміны,
І каб з гісторыі зямлі
Імя не сцерлася краіны.

Дапамажы мне не забыцца
Вытокі веры ў Цябе.
Адкуль бяжыць жыцця крыніца,
І што зрабіў Ты для мяне.

Сярод гісторыі краіны
Дай чуць мне роднай мовы гук.
Каб не засталіся руіны,
Каб не знікаў мой сэрца стук.

Як буду да Цябе маліцца?
Як атрымаю я пакой?
Любоў мая як будзе ліцца?
Як адчуваць сябе сабой?

Ці на якой яшчэ мне мове
Цябе Татуляй называць?
Хачу на мяккай роднай мове
Я ўсіх людзей дабраслаўляць!

Я нарадзілася нездарма тут,
Не выпадкова тут жыву!
Але мой край трымае горда
І багахульна галаву!

Гаворыць: "Бог мне не патрэбны,
Яго падтрымка і ўдзел.
Бо ў мяне ёсць рубль срэбны,
Запоўніць ён душы прабел.

Я боль у тваіх вачах шукаю,
Мая краіна Беларусь.
Хрыстос сказаў: "Не пакідаю",
Таму я за цябе малюся!

Звалілася ў яму ты адчаю,
Ніхто бы выцягнуць не змог.
Караскаешся і спаўзаеш,
Але надзея ёсць, ёсць Бог!

Ён рэфармацыі калыску
Ківаў і песціў у спадзяванні.
Заўсёды разам быў так блізка,
Праводзіў праз выпрабаванні.

Бо Ён не той, хто б змог пакрыўдзіць!
Ён – Тата, Ён – Айцец твой родны,
Але ён грэх твой ненавідзіць.
Ён за цябе памерці згодны!

Таму змірыся, дарагая,
І не пярэч Хрыстовай волі,
Бо хутка прыйдзеш ледзь жывая
Пад гнётам цяжкага сваволля.
Soli Deo Gloria

Бунтарский дух

Давно ли Слово ты читал?
Давно ли Мне повиновался?
И как же получилось так,
Что за дверьми Я оказался?

Советуешься ли со Мной?
Как принимаешь ты решение?
Куда ты думаешь, идет
Твое святое поколение?

Куда идет? Куда идет?
Какие ты поставил цели?
Какой мотив тебя ведет?
А Я стою, стучу у двери.

Всё споришь, всё кривишь устами:
«Кто зилот? Кто иродиане?
Кто поведет нас за собой?»
Не все ли вы передо Мной?

Нет, ты не раб мне, дорогой.
Рабом себя ты не считаешь.
Я – суверенен, Я – Бог твой!
Ты на Меня не повлияешь.

Я Сам рабом был для Отца,
Не миновала Меня чаша.
Но я был верным до конца!
И потому спаслась жизнь ваша.

Ты мстить достал свой гневный меч,
Не принявших - селение сжечь!
А Я хочу своим огнём
Зажечь сердца в селении том.

Ты ищешь царства на земле,
Твои мечты не обо Мне.
Они полны других идей –
Как приструнить больших людей.

Моё дитя, моё творение,
Я жажду видеть посвящение.
Твоё святое поколение
Я подниму для пробуждения.

Ты сердце мне своё открой,
Не закрывай от слов ты ухо.
Я жду. Поговори со Мной.
Не понял ты, какого духа...

Soli Deo Gloria

ВЕРОНИКА ПОНИЗНИК

Когда ноябрь почти на исходе,
Что-то неопределенное происходит в природе.
Ночь стала великой.
Бесконечный вечер.
Зима осторожно хватается за плечи...
Чтобы внести свою ясность,
Собрать все опавшие листья...
Гляди, как серые улицы наполняются смыслом!

Природа смеется над людьми бестолковыми,
Привыкшими бегать от бед и проблем.
Под одеялом они хнычут уныло,
Размышляя, почему жизнь с ними так поступила?!
Им никогда не понять свою бестолковость.
Природе смешно...
Для неё – всё это не новость.

Море, море...
В тебе всегда так много соли,
Так много слез и много боли,
Но ты всегда таинственно простое...
Свою тоску я лишь тебе открою!
Когда мой друг меня понять не сможет,
Бальзамом на душу мне будет глубина твоих очей...
И мне не нужно никаких речей!
Твое безмолвие меня и так согреет...

Все пыль.
Друзья твои, вчерашний вечер,
Воспоминаний миллион...
Уйдет в небытие однажды,
Унеся тебя с собой.

Взойдет луна над городом уставшим,
Уставшим от потерь и от разлук.
Луна рассеет мрачность темной тучи,
Тревоги сердца, полного любви и мук.
Скажи, мой друг,
Чем мил тебе уставший город?
То место, где тебя не ждут?
Ты воешь на луну отчаянно и грустно...
Но этим вечером тебе руки не подадут.
Очнись! Расправь свои ладони, крылья!
И оглянись вокруг!
Ты можешь все исправить, сделать выбор,
Отбросить! ...

Я знаю, есть тысячи слов,
которыми не выразить ни одну любовь.
Есть тысячи книг, и в них
тайны не больше, чем в нас самих.
Но из всех вероятных миров
я выделю тот, который еще не готов,
который не совершенен,
которому не хватает тех самых слов,
но именно в нем ты свой и ты тот.

ветра шум...
неописуем.
мы его не нарисуем,
не напишем, не станцуем.
сколько перемены в нем!
сколько воли, сколько страсти!
ветер, ты не в нашей власти...

ЛИЛИЯ ВЕНГУРА

To my angel

My dear angel, touch my soul.
 As you remember, not my own;
 My dear angel, wake my mind.
 It is so grave, as you can find;
 My dear angel, save me now.
 As you could notice i'm not fine;
 My dear angel, help me, please,
 To save our nature, save our peace;
 My dear angel, i so need you.
 I want to ask: «What should i do?»
 My dear angel, take me with you.
 I'll rise to the sky.
 I know that it's true....

What is magic? Super power?
 Or in winter, growing flower?
 Maybe strength to fly like birds,
 Always go without nerves,
 Healing people with your thought,
 Making wonderful from dirt.
 We're magicians ourselves.
 Life is magic! Won't confess?
 Every day and every minute –
 Gifts that can not be forbidden.
 After giving up we shine,
 After angriness we smile.
 We can laugh out loud like nuts,
 Hardest days forget at once.
 Seeing beauty in wretchedness,
 Diging joy from people's sadness.
 Aren't this magic? Wanna ask you.
 Answer, please, don't make it new.

Мы все мечтаем о любви,
 Мы ждём её, как чуда;
 Мы строим замки и миры,
 Где будет смех повсюду.
 Мы верим в лучшее всегда,
 (Признаться, порой сложно);
 Мы знаем: за зимой – весна,
 А значит всё возможно!
 Возможно мир наш изменить
 И сделать его краше,
 Возможно всех детей спасти
 От голода и жажды.
 Возможно сто дорог пройти,
 Возможно стать счастливым;
 Возможно главное найти,
 Но только не ленивым.
 Мы можем в жизни получить
 Всё то, что пожелаем.
 Однако важно не забыть,
 Что все мы увядаем.
 Давайте жить сейчас! Момент –
 И нас уже не будет.
 Поэтому, пока есть свет,
 Дарите счастье людям!

ДМИТРИЙ ЖАБЕНОК

В конце дождливого апреля,
 Что напоил весь город сном,
 В моей квартире поселился гений,
 Преследует меня везде во всем.
 И даже пусть погаснет
 Последнее окно вдоль молодой аллеи,
 И местные дворняги
 Попрячут по подвалам мокрые носы,
 Мой же «сосед» присядет
 У теплой батарее
 И, глядя в ночь,
 Будет подкручивать свои усы.
 Стихи должны быть на бумаге! –
 Кричит, командуя, он мне.
 Но как бы не пытался
 убежать и скрыться,
 Засел он крепко в голову,
 Засел он крепко и на дне бутылки,
 И в мундштуке, где догорает уголёк,
 И где-то прячется в карманной дырке,
 Как и в загадке кроется намек.
 Мне очень сложно разобраться в чувствах.
 Тревога? Страх? Утратил я былой покой.
 Наверное, такая плата за искусство,
 Где невозможное становится мечтой.

В моей квартире поселился гений
 Сейчас он спит, прижав к груди колени...

Опустеют дворы как карманы,
 Старый дворник сожжет всю листву,
 Там когда-то толпой хулиганы
 Собирались бродить ввечеру.

Там когда-то парнишка с девчонкой
 Так неловко учились любить,
 На скамье под звездой обещал ей
 На руках ее вечно носить.

Там в подъезде с хрипылыми воплями,
 Выпивая вина не одну,
 Бывший зэк выпивоха Володя
 Протянул мне свою пятерню.

Где ребята с бодрыми лицами,
 Чтобы чуточку стать веселей,
 Разбавляли спиртягу водичкой,
 Получали отцовских лещей.

Где шатаюсь под окнами, брошенный,
 Проклинал удалые года,
 Где нестройным хором по осени
 Вырывалась наружу душа.

Все прошло, не болят уже раны,
 В теплых чувствах роняю слезу,
 Этот двор собирал чемоданы,
 Пьяный дворник спалил всю листву.

ЕЛЕНА ВЕЧЕРСКАЯ

Сквозь защиту из плотных штор
 Мне не видно лучистого света,
 В сердце впился высокий забор
 И молитвы весною одеты.
 И не слышно мне пения птиц,
 Только ветром окутаны дали,
 Только вновь краснота черепиц
 Наполняла пространство печалью.
 Отправлялись в тот день поезда,
 Я забыла купить билеты,
 Не вернется уже никогда
 То дыхание снов и рассвета.
 Манит лишь вдалеке тишина,
 Одиночество лучше обмана,
 А дорогу, что мне суждена,
 Разделю на двоих с чемоданом.
 Я всегда была влюблена
 В грусть рассвета и комы тумана.

ПРОЗА

ЕЛЕНА ЧУЛОВА

ЗЕБРА ДО 20 – НЕ ФАКТ

Главное – думать своей головой

Тайное «дзюцу» всех отличников – не угадывать, а просто знать, чего хочет преподаватель. В этом нет ничего сверхъестественного, в конце концов, это единственный навык, который старательный ученик с гарантией приобретает после одиннадцатилетки. Если потом спохватиться и начать немножко его развивать, можно добиться маленьких, но любопытных результатов. Например, я могу найти человека в большом торговом центре, просто двигаясь в избранном направлении – буду срезать углы и приду, куда нужно. Но я убеждена, что, помимо сиюминутной пользы и хорошего настроения, чрезмерная ориентированность на то, чего хотят от тебя окружающие, приносит и осязаемый вред. Потому что человек не задумывается, чего хочет он сам. Да, легко копирастом написать реферат, слегка перефразировать и получить ожидаемое одобрение. Трудно – думать своей головой. Ещё труднее – получать по голове за то, что придумала своей головой, просто потому, что думать своей головой в принципе не так эффективно, как чужой, и сложнее, и с первого раза может не получиться, и с сего – не факт, и вообще может требовать обучения, дополнительной информации, другой картины мира, чего угодно ещё... Признаки того, что человеку лень думать, – невниманье к людям, мышление по шаблону, высказывание прописных истин, которые вообще неясно как к делу относятся... Ну да, мозг так устроен, что ему лень думать. Абсолютно у всех. Граждане, если в процессе обучения, любой другой умственной деятельности вы не испытываете сопротивления со стороны собственного мозга, здесь два варианта: либо вы достигли мастерства (минимум 10000 часов интенсивной деятельности по выбранному направлению), либо вы эту деятельность имитируете, – повод задуматься.

Я учусь адекватно реагировать на критику. Любую

На самом деле, я вполне адекватно реагирую на критику, просто хотелось бы, а это невозможно, чтобы критикующие были компетентны в вопросах, по которым высказываются. Навязчивая критика «ни о чём» бесит. Или нужно докапываться до первопричины. А первопричина может быть самая неожиданная: забота, зависть, беспокойство, другие ценности, принципиально другое представление о жизни... Это чем-то похоже на ситуацию с родителями, которые не пользуются интернетом. Люди! Научите своих родителей пользоваться интернетом, осуществлять поиск, скачивать книги. Они всё равно будут вам советовать всю жизнь, и чем больше они будут знать, тем меньше ошибок и предрассудков достанется вам из их советов. Во-первых, времена меняются, и то, что было здорово десять лет назад, не обязательно приемлемо сегодня. Во-вторых, шаблоны мышления чем-то напоминают вирус. Это не шутка, человек может родиться в семье, в опыте которой хранится ошибка понимания мира, незаметно для себя, просто общаясь, усвоить эту ошибку, выйти на улицу и встретить там другого человека, у которого своя ошибка, или несколько, непохожих на первую. И их задача – понять друг друга и договориться.

Стихи вместо фотографий

Свои яркие впечатления я передаю стихами – они отлично заменяют фотографии. Кроме того, ненужные эмоции, переходя в текст, там и остаются – это помогает не заикливаться на плохом и долго помнить хорошее.

Розовая луна между стволами сосен кружилась.
Ткнулась в окно машины, заговорить не решилась.
Её все равно никто бы слушать не стал до субботы.
Поболтать, что ли, с луной, возвращаясь с работы?
Она солнечный свет берегла от полноты души, но
Я её расспросить не могла, мы очень спешили.
Я понимаю, за ней века, и она не проспит свой завтрак,
Но рассмотреть её нужно, пока
она прозрачна, кругла и легка,
Она же состарится завтра.

О том, что происходит с мечтами

Мечта моего детства – петь для всех. Не один раз выйти, а реализовать это направление развития так, чтобы оно приносило кому-нибудь пользу. Например, каждую пару по латинскому языку мы начинали с *Gaudeamus*'а. Хором. Девчонки говорят – пойдёте петь под часы. Но там не вся песня, фрагмент, и время нужно подкараулить. А потом, когда университет организовал проект «Споем *Gaudeamus* вместе» – они пошли и пели вместе со всеми, хотя экзамен по латинскому языку был сдан давно и благополучно. Так, понемногу и незаметно, сбываются мечты.

АЛЕКСАНДР ГУГНИН

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО БИБЛИОГРАФИИ

*Молодым филологам, вступающим
на потрясающую стезю науки*

Со школьных лет я, словно повинувшись бессознательному инстинкту, начал заниматься библиографией (ещё не зная самого этого слова). По совету отца – Гугнина Александра Павловича (1 сентября 1912 – 1 февраля 1987) – я стал составлять списки прочитанных книг и уже через несколько лет убедился в полезности этой работы. Читал я очень много и беспорядочно и, просматривая время от времени свои списки, стал задумываться: почему читаю именно эти книги, а не другие – ведь книг на свете так много, что все их человек за свою короткую жизнь прочитать никак не сможет (редко мой месячный список достигал 15 – 20 книг, чаще он оканчивался на 8 – 12). Следовательно, необходим отбор и самоограничение. Но как и на каких принципах определять этот отбор? Я быстро понял, что отбор зависит не только от того, что хочется, но и от того, что надо. А что надо? Кто это знает? Родители, учителя, знакомые? Да, и они тоже, но прежде всего, наверно, я это должен знать сам, ведь всё равно никто мою жизнь за меня самого не проживёт и не слепит, и рано или поздно придется принимать самостоятельные решения. Решения часто ищут в советах учителей, друзей и родителей, но при этом все советы и рекомендации необходимо пропускать через себя, потому что в конечном итоге это наша собственная и единственная жизнь и то, что мы хотим в ней успеть сделать, всё равно зависит прежде всего от нас самих. Но что я хочу сделать в своей жизни? Это ещё надо самому понять и узнать. А, значит, надо постоянно развиваться и развивать самого себя. Это я стал понимать ещё в школе, но проблема самопознания оказалась не такой простой, ибо самопознание даётся не только с помощью чтения различных книг, но и с помощью ежедневной жизненной практики. Что же при этом важнее – сама жизнь или знания о жизни, получаемые из книг? Честно говоря, я и до сих пор не могу ответить на этот вопрос без затруднений, и – если бы мне предложили показать это с помощью весов – я скорее всего установил бы на весах равновесие...

Уже обучаясь в университете, я столкнулся с библиографией в общераспространённом (филологическом) смысле слова. При написании курсовых работ и письменных рефератов московские профессора и доценты предлагали нам приводить в конце библиографию по теме (то есть то, что мы обнаружили во время работы) и список использованной литературы (то есть то, что мы реально прочитали и реально использовали в своей работе). Это занятие уже само по себе оказалось достаточно интересным, так как источников в московских библиотеках обнаруживалось много, но все их прочитать мы заведомо не успевали, и требовался аналитический отбор наиболее важного и необходимого. То есть опять, но уже несколько по-иному, возникала та же проблема: почему ты выбираешь одни источники и игнорируешь другие? Почему ты уверен, что те источники, которые ты выбрал и прочитал, важнее, полезнее и лучше, чем те, которые ты проигнорировал? Зависит твой выбор от случайности, от удачи, от интуиции, от твоего ума, от твоего уровня знаний, от твоей лени или усердия – или же ещё от чего-то другого?... Этот вопрос оказался для меня на студенческом этапе не таким простым и привёл даже (в числе других, более непосредственно связанных с моей тогдашней жизнью причин) к серьёзному жизненному кризису. На втором курсе (уже на романо-германском отделении, а до этого я успел поучиться на славянском и на русском отделениях) профессор Владимир Петрович Неустроев (1911 – 1986) предложил мне написать научную студенческую работу на тему «Проблема спинозизма в позднем творчестве Гёте». Я (не слишком долго думая) согласился и, уже зная, насколько необходим предварительный сбор и изучение библиографии, пошёл для начала в Ленинскую библиотеку (для этого у меня уже было разрешение), сравнительно легко разыскал в алфавитном каталоге ящик, на котором было написано «Гёте», и начал его смотреть. До закрытия библиотеки я с большим интересом просмотрел первый ящик (примерно

500 карточек), выделил для себя то, что казалось интересным и, окрылённый успешным началом работы, пошёл в общежитие. На следующий день я достал второй ящик (где было столько же карточек, сколько и в первом) и тоже стал его с интересом просматривать. Часа через два-три мне пришло в голову посмотреть – а сколько же всего этих ящиков? Их оказалось около пяти (то есть пятый был заполнен не полностью), и мой энтузиазм слегка увял. При этом в данных ящиках Гёте я не нашел ни одной работы о Спинозе, которого я тогда совершенно не знал (то есть знал, что был такой философ, но ни одного его текста не читал). Просматривая ещё два дня оставшиеся ящики Гёте, я понял, что из двух тысяч работ о Гёте, которые я так легко обнаружил, для данной курсовой работы – при всём желании – смогу прочитать не более 50 (100), да и это под вопросом. Я стал тогда выбирать и переписывать себе в тетрадь те работы, которые показались мне наиболее интересными (позднее я тоже завёл карточки и записывал источники сразу на карточки и с шифром библиотеки, чтобы хотя бы на этом сэкономить время). В процессе этой работы до меня дошло, что мне нужно не всё творчество Гёте, а только его позднее творчество. Я вздохнул с некоторым облегчением, но это облегчение оказалось призрачным, потому что через день или два я понял, что для выделения “позднего” творчества Гёте мне никак не обойтись без знания его “раннего” и “среднего” творчества (а, может быть, поскольку Гёте жил долго, тремя периодами не обойтись)... Я ещё в школе прочитал “Фауста”, знал стихотворения и баллады Гёте, знал, конечно, и биографию, но ни о какой периодизации всерьёз не думал. При осознании возрастающего объёма необходимой работы мне стало слегка грустно, но я ещё надеялся проблему одолеть. Несколько дней пропускал занятия в университете и с утра до вечера сидел в библиотеке. Стал думать, что я не философ и не собираюсь вроде бы быть философом, – но как же я тогда буду писать о “спинозизме” в позднем творчестве Гёте? Стал искать ящик с библиографией Спинозы, выписал то, что нашел в переводах на русский, и погрузился в чтение “Этики”. Для меня тогда это оказалось практически непосильным чтением, гораздо более трудным, чем чтение Маркса, Энгельса и Ленина, к которым отец пытался приучить меня ещё в школе. Я до семи лет жил в деревне и на хуторе, где всё было наглядно и конкретно, мышление абстрактными философскими категориями было абсолютно не востребовано, да и при обучении в школе наши учителя всё подобное избегали. И как пристроить это моё мучительное чтение Спинозы к Гёте, в котором я чувствовал любовь к конкретному во всём, что я у него читал. Значит, я многого просто ещё не читал?.. Постепенно я стал приходить в депрессивное состояние (занятия пропускаю, там тоже возникнут пробелы, но и освоение темы практически не продвигается, я не чувствую ещё даже всего объёма необходимой работы, и постепенно мне становилось ясно, что подобную научную работу ни за неделю, ни за месяц сделать невозможно (для меня во всяком случае)... Пошёл на консультацию к профессору в надежде получить у него толковый совет. Не буду излагать сейчас всё содержание нашей беседы, о которой я по-разному думал в последующие годы моей жизни, скажу только, что меня поразил оптимизм Владимира Петровича и запомнились его итоговые слова: “Саша, меня радует, что вы идёте логически правильным путем: для знания “позднего Гёте” необходимо знание всего его творчества, а для определения степени влияния “спинозизма” на позднее творчество Гёте” необходимо знание Спинозы, и вы совершенно верно выбрали “Этику” – я поздравляю вас с успешным началом работы: вы стоите на верном пути!” До сих у меня звучит в ушах эта похвала пожилого и уважаемого профессора, хотя после разговора с ним я интуитивно стал понимать, что работу о проблеме спинозизма в позднем творчестве Гёте я в ближайшие годы не напишу. Я не написал эту работу и до сих пор¹, но на всю оставшуюся мне немалую жизнь понял, как важен уже сам выбор темы, ощущение ее посильности или непосильности для тебя сегодняшнего, и с тех пор стараюсь сам выбирать такие темы, которые мне не только интересны, но и представляются посильными...

Итак с библиографией почти всё ясно, но зачем же составлять собственную библиографию? Прежде всего из собственной внутренней потребности: когда общее число публикаций и переводов перевалило далеко за 300, я начал забывать, когда и где та или иная работа опубликована. В калейдоскопе разнообразных дел, которыми я занимался не только ради науки и истины, не только для исполнения постоянных служебных и общественных обязанностей, но и для того, чтобы прокормить и одеть семью из пяти человек и оплатить купленную в Москве четырехкомнатную кооперативную квартиру, а также для удовлетворения всё разрастающейся страсти к книгам (слишком много рабочего времени отнимали поездки в библиотеки, ожидания заказанных книг, отсутствие их даже в крупнейших библиотеках – по разным причинам: книги часто

¹ Я не написал эту работу не потому, что не мог написать её, а потому, что эта тема до сих пор не вошла в сферу тех научных направлений, которые я постепенно определил для себя в качестве жизненно необходимых, то есть составляющих смысл моей единственной жизни. Правда, для того, чтобы по-настоящему определить этот смысл и эти направления, мне понадобились годы и годы...

оказывались на реставрации, на переучёте или у кого-то на руках – как раз тех книг, которые именно в этот день были крайне необходимы) – всё это привело к тому, что я с начала 1980-х годов, когда стал уже вполне прилично зарабатывать, предпочитал всеми возможными способами (в том числе и активно используя “черный рынок”) иметь все необходимые книги дома, а также журналы и газеты, в том числе и заграничные. Опубликованные статьи, рецензии, рефераты и обзоры становились для меня самого своего рода справочниками, которым я сам мог доверять, поскольку хорошо знал, с какой степенью добросовестности я все эти материалы подбирал и обрабатывал.

В течение 10 – 15 лет я был внештатным референтом по литературе ГДР в журнале “Иностранная литература” (то есть обязан был каждый месяц делать обзоры книжных новинок, следить за театральной жизнью и вообще за всеми важнейшими событиями в сфере культуры); при всей трудоемкости эта работа тоже оказалась весьма полезной – волей-неволей я должен был ежемесячно прочитывать или хотя бы просматривать большое количество книг, журналов и газет, систематизировать и описывать прочитанное на 20 – 30 машинописных страницах и получать за это удовольствие 50 рублей ежемесячно. Подобная “черновая” ежемесячная работа послужила мне во многих отношениях: изучая планы и прочитывая почти все книги восточно-немецких издательств я пытался для себя определить наиболее перспективных авторов, выделить наиболее яркие произведения, и когда в 1977 г. две недели пробыл в Берлине на Первом международном семинаре переводчиков литературы ГДР, сразу же сумел “выйти” на наиболее заинтересовавших меня писателей (Криста Вольф, Хайнер Мюллер, Фолькер Браун, Франц Фюман, Карл Микель и др.) и сразу же установить с ними постоянные дружеские отношения. Это было нетрудно, поскольку я успел прочитать их книги (и на некоторые уже откликнулся рецензиями в журналах); мы сразу же начинали разговор об этих произведениях и о современной литературе в целом, и подобные разговоры (с Хайнером Мюллером или Фолькером Брауном) могли продолжаться сутками. В эту же поездку я успел познакомиться с некоторыми крупными критиками (Ева и Ганс Кауфманы) и представителями крупнейших издательств (спать было просто некогда)... В последующие годы мне оставалось только поддерживать завязанные отношения и развивать их дальше.

Таким образом, библиография собственных трудов отражает не только формальную (внешнюю) сторону (опубликованные рецензии, рефераты, обзоры, статьи, предисловия, комментарии, переводы, составленные книги и – как итоговый результат этой большой предварительной работы – главы в академических трудах и учебниках и собственные книги о современных писателях и о современном литературном процессе), но и не менее важную (неформальную) сторону занятий литературой (особенно современной): по сути, занятия литературой постепенно сливаются с самой жизнью какой-то неизбежной и неразрывной внутренней связью, когда уже практически невозможно различить, где кончается научное осмысление литературного процесса и где начинается сама жизнь. Ведь литературный процесс – это и есть своеобразное *жизнетворчество*, немаловажная составная часть самой литературы. Позднее я обозначил подобное слияние литературного и жизненного процессов как “*жизненное литературоведение*”¹, которое, по моему глубокому убеждению, никак нельзя смешивать с “безжизненным литературоведением”, жонглирующим пустыми, ничего не приносящими в подлинную науку терминами (концепт, парадигма, тезаурус, архетип и десятки им подобных), ни на шаг не приближающими к пониманию произведения как неотъемлемой и ничем не заменимой формы *жизнетворчества*, а бессмысленно уводящими от этого *жизнетворчества* в (на первый взгляд) “глубокомыслие”, но, по сути, в обыкновенное и достаточно примитивное “словоблудие”. Подобное (внутреннее) вживание в литературный процесс, конечно, особенно плодотворно при занятиях современной литературой (не случайно “Литературные портреты” Сент-Бёва или “Обзоры” русской литературы В.Г. Белинского и сегодня зачастую прочитываются с большим интересом и пользой, чем бухгалтерские подсчеты в творчестве писателей концептов и тезаурусов, которые мелькают в современных диссертациях и монографиях), но подобным же образом вживаться можно и нужно и в литературу отдалённых эпох, где также был живой литературный процесс и литература также представляла собой ярчайшую форму *жизнетворчества*. Но для вживания в прошлые эпохи необходимо развивать историческое мышление (“прошлое – в настоящем – из будущего” – по формуле Александра Викторовича Михайлова, 1938 – 1995).

¹ Более конкретное представление о конкретном содержании понятия “*жизненное литературоведение*” дают мои предисловия «От автора» в книгах: Гугнин А.А. Введение в историю серболоужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней. – М., 1997. – С.3–10; Он же. Австрийская литература XX века: статьи, переводы, комментарии, библиография. Выпуск первый. Новополоцк – Москва, 2000. – С.3–6; Он же. Серболоужицкая литература XX века в славянско-германском контексте. – М., 2001. – С.3–4; с.5–22; Он же. Немецкая литература XIX века: от романтизма до бидермайера. Статьи, переводы, комментарии, библиография. Выпуск первый. – М., 2002. – С.3–11.

За свою жизнь я составил (и опубликовал) десятки и десятки различных библиографий, и работа над каждой из них была по-своему увлекательной, а иногда даже и остросюжетной. При внимательном составлении любой библиографии перед глазами проходят не только разнообразные пласты культуры, но выстраиваются и живые личности (ибо в культуре ничего не умирает!) – знакомые и незнакомые; со знакомыми здороваешься и беседуешь, вспоминаешь, когда и где ты с ними впервые встретился и сколько раз наши дороги пересекались; с незнакомыми хочешь быстрее познакомиться, узнать их получше и понять, чего они стоят. А сколько неожиданных и сносшибательных встреч обнаруживаешь при библиографической работе! Да здравствует библиография, хранительница памяти, одна из неотъемлемых составляющих филологической науки!

ЕЛЕНА ГАЙДАМОВИЧ

ПРИЗРАК В УЧРЕЖДЕНИИ

«Проверяющему непонятно, что тут у Вас написано!!! Он посмотрит и ему будет непонятно!!!»

Образ Проверяющего, великий и грозный, встал передо мною. Он погрозил мне пальцем в тиши кабинета, прошёлся от стены к стене, и удобно устроился напротив, уютно хрустнув креслом. Сквозь его полупрозрачную фигуру был виден шкаф с застеклёнными полками, доверху набитыми папками с инструкциями, распоряжениями, циркулярами, приказами, планами и графиками. Проверяющий строго взглянул на меня, сдвинул брови, рука его потянулась к столу методиста явно за ручкой и бумагой для оформления моего увольнения. Я внутренне вздрогнул. Чтобы остановить призрака, начал осторожно лепетать: «Я по правилам... Кажется, так оформляли ...» Призрак остановил движение и недоуменно взглянул на женщину-методиста. Она ощутила его взгляд, подняла на меня бесцветные, усталые, покрасневшие глаза. Чуть не плача выговорила: «А вы читали последнюю Инструкцию?! Вы видели вот это?!» Повертела у меня перед носом какой-то книжицей с кучей печатей и подписей прямо на обложке. «Тоже его боится», – мелькнуло у меня. Я потянулся за таинственной инструкцией. «Она есть у Вашего непосредственного начальника», – отбили моё любопытство. Кроме того, есть ещё ЭТО!» Крючковатая дама помахала у меня перед носом «Катехизисом работающего пенсионера».

Повисло затяжное молчание. Разумеется, ни таинственную Инструкцию, ни «Катехизис» я не читал. Честно сказать, смысла особого в таком чтении нет. Инструкции меняются с частотой возникновения вдохновения кого-то, желающего оправдать свою значимость в вышестоящих органах. И как только вдохновение «накатит», появляется очередная Инструкция. «Накатывает» часто. С периодичностью раз-два в год. А уж «Катехизис» читать в мои служебные обязанности не входит, да и по возрасту рановато. Подумал и испугался своих мыслей. Вдруг их Проверяющий услышит?! Но Проверяющий как-то растворился, размяк, точно свеча. Так же как за время паузы размякло лицо женщины.

Теперь всем своим видом она говорила примерно следующее: «Как вы все мне надоели, оставьте меня в покое, дайте спокойно получать зарплату и ничего не делать. Ну почему я всем всё должна объяснять? Я просто хочу получать к пенсии небольшую прибавку в виде этой мизерной заработной платы. У меня дети, внуки... Я хочу что-то значить в этой жизни, хочу приходить с работы слегка усталая, но довольная, хочу обсуждать нынешние нравы, сидя у телевизора, засыпать с чувством собственного достоинства, а утром просыпаться с сознанием наполненности жизни... Только и всего. Разве много?»

– Хорошо, я переделаю, скажите, как?

– Давайте, первый лист переделаем, покажу, – смилостивилась она.

Принудительно долго загружался включённый компьютер на её рабочем столе. За это время призрачный Проверяющий окончательно растворился. Я ещё раз с опаской посмотрел на место призрака, но он, вероятно, ушёл контролировать нечто другое.

– У Вас есть электронный вариант?

– Конечно. Вот он. Или нет, лучше этот. Я уже не помню, какой. У меня их много...

На моей флешке десятка два или три папок, столько же файлов беспризорных. Сохраняю документ в нескольких вариантах (никогда ведь не знаешь, что именно окажется «правильным»). Тут оказывается, что при напечатании свежего текста «съедается» предыдущий, нужный... Так бывает, когда в программе «Word» включена клавиша «Insert». Методист аж ойкнула, как увидела:

– Ой! Что делать? Вы не знаете, как это убрать? Может Вы мне с флешкой вирус принесли?

На поверку вышло, что грозный мой контролёр с компьютером управляется примерно так же, как я с вышиванием.

– Не беспокойтесь, вирусов у меня нет, проверял. У Вас «Insert» включён, – лепечу я.

Минуты две мы вместе ищем на клавиатуре нужную клавишу, мешая друг другу (я перегибаюсь через стол и шурю подслеповатые глаза, раскладка клавиатуры не такая, как у меня). Наконец, неполадка устранена.

– А это название нашего учреждения, так сокращать нельзя... Откуда вы взяли такие цифры?... Отвратительно...

– Я уже не помню, что было у меня под рукой, тем и воспользовался...

– Ни в коем случае нельзя пользоваться тем, что «под рукой»!

Наконец, первый лист готов и ушёл на печать. Уф!

– Остальное переделаете сами. И изучите Инструкцию! Вам ещё необходимо всё заново подписать, собрать все подписи. Сами виноваты...

Расстаёмся почти друзьями. Только полурасстворившийся, но всё ещё грозный призрак мифического Проверяющего отравляет атмосферу взаимной симпатии...

СТЕПАН ЕХИЛЕВСКИЙ

РАССТАВАНИЕ С ГЛАНДАМИ

«Доктор, я могу умереть? – Конечно!»

«Мы вступим в НАТО..., по самые Нидерланды!»

(спонтанные ассоциации)

В детстве мне нравилось болеть. Все тебя жалеют, в школу ходить не надо. Лежишь себе на кровати с никелированными шариками и читаешь толстые потрепанные сказки Верховины с их поганинскими царями и песиголовцами. Выздоровев, узнаешь, что задавали, делаешь уроки и приносишь пятерки.

Последняя ангина случилась на двадцать восьмом году в начале лета. Накануне доел из холодильника гущу клубничного компота. Температура под сорок держалась две недели. Боль в горле напоминала не отключающийся паяльник. Слюна стекала из уголка рта. Глотать и говорить я не мог. Пить было нечем. Врач скорой сказал «ничего страшного», и в инфекционное отделение областной больницы я добирался своим ходом. Стараясь не упасть, жестами ответил на анкетные вопросы в приемном покое. Бестактно освободил рот от очередной порции скопившейся слюны в раковину, на мгновение опередив бросившуюся наперерез медсестру с мусорной корзиной. В итоге был госпитализирован в состоянии средней тяжести. С некротической ангиной.

Кивком познакомился с соседями по палате и лёг на свободное место. Панцирная сетка оказалась чем-то вроде гамака. При переворачивании на живот пятки упирались в затылок. Чтобы слюна не текла на пол, сердобольная нянечка подставила ведро. Через пять минут его насовсем унесла сурового вида техничка.

На обход каждый день приходил новый врач. Возле моей койки сопровождающая сестра произносила «здесь ангина», и он молча проходил мимо. Говорить я все еще не мог, поэтому контакта не получалось. Три раза в день приносили еду и без лишнего любопытства уносили обратно. Каждые четыре часа кололи два миллиона единиц пенициллина. Обычная доза в восемь раз меньше.

Паяльник свирепствовал. На шестые сутки без сна начались галлюцинации. Открытыми глазами белым днём смотрел штриховые мультфильмы о пушкинском Петербурге на белой стене больничной палаты.

Стояла летняя жара. Ночью окна открывали настежь. Из соседней палаты раздавались душераздирающие вопли менингитной больной. Впервые испугался, что могу умереть. Странно, но мысли о конечности жизни пришли только через шесть лет.

Меня спасла профессор. Присев на край кровати, она стала осматривать, ощупывать и простукивать, задавая удивительно точные вопросы, требующие подтверждения или отрицания простым движением головы. Никогда не забуду ощущение её литой профессиональной силы. Мне стали делать капельницы. После первой я заснул как убитый. Нарыв слева прорвало, я начал пить, склонив голову набок, и глотать жидкую манную кашу. Вернулась речь.

Это было время борьбы с пьянством и алкоголизмом. Мой сосед ухитрился покинуть инфекционное отделение и прямо в больничной пижаме шёл три километра по городу до ближайшего ликёроводочного. Выстаивал очередь примерно такую, как в мавзолей, и с бутылками возвращался в палату. На следующий день у одного из больных обострилась язва. С зелёным лицом в градинах пота он мучился, не имея возможности открыться врачу. Ну, я возьми и брякни, мол, не надо было пить. Меня чуть не съели. Выяснилось, что я ничего не понимаю вообще и от водки в принципе не может быть плохо.

Из больницы меня выписали сильно похудевшим, велели продержаться полгода без ангины и удалить гланды. Я вышел на улицу, держась за стенку.

Чуть не забыл. В больнице медсёстры подрабатывали нянечками, и полы в палате мыла высокая, молодая, до судорог красивая крашеная блондинка.

И ещё. Все пожилые нянечки с придыханием говорили о молодом интерне, с отличием окончившем мединститут. Шесть лет назад я тоже получил на физфаке красный диплом со средним балом 5,0. Но в больнице захотел стать врачом. Слава богу, в тот год в мединституте закрыли вечернее отделение.

В конце осени после всех анализов и санации полости рта я лег удалять гланды.

В операционную вошла женщина лет двадцати восьми – сорока пяти со внешностью совы и фигурой тумбочки. Я у неё был не первым. Белый халат, фартук, шапочка, маска, лоб и стекла очков были густо забрызганы мелкими алыми капельками.

Обколол горло новокаином, врач вдавила меня в кресло коленом и принялась довольно настойчиво орудовать глубоко во рту холодными, колючими и острыми инструментами. Гортань реагировала произвольными спазмами и кровавым клекотом. «Приятного аппетита» – хихикнула сова, уронив отсечённую миндалину в мой пищевод.

Время от времени она брала пинцет с шершавым марлевым тампоном и быстрыми неожиданными движениями смазывала горло неприятно тёплой, соленой жидкостью. И только спустя годы я понял, что она не смазывала, а вытирала. И тепло-соленая мерзость на шершавом тампоне – моя кровь.

В палату меня отпустили своим ходом. Я прохрипел спасибо, обещал первые дни не напрягать горло и не поднимать тяжелого. Через десять минут пришла сестра-хозяйка и попросила перенести под лестницу сложенные в коридоре железные спинки от больничных кроватей.

Выписали меня через пару дней. С тех пор ангины нет, и сказки я почти не читаю. Зато на осмотре у проктолога прошу не нащупывать гланды, так как их удалили полжизни тому назад.

ВЕРОНИКА ПОНИЗНИК

КАЛЕЙДОСКОП

Вокруг много вещей, которые так интересно складываются! Как стеклышки калейдоскопа образуют узор, так из событий получаются целые истории. И то, и другое не рассмотришь без света.

Ты крутишь, крутишь... И вот – замечаешь красивые узоры, они все безусловно красивы, но тот вызывает больше откликов в твоём сердце. Ты останавливаешься, рассматриваешь, наслаждаешься... А после крутишь дальше либо вовсе откладываешь это занятие. Картинка остается у тебя в голове. Ощущения изжили себя, ты удовлетворен, все хорошо... Но картинка мелькает, норовя снова захватить всего тебя, вырвать из реальности. Брось все, иди за мной – шепчет она тебе. И не то, что бы твоя жизнь тебя не устраивает, не то, что бы тебе скучно... Где-то вдалеке мелькает желание все повторить, вернуть. Ведь пока это последнее интересное событие, которое с тобой случилось, которое ты помнишь. И ты решаешь вернуться. Забываешь обо всем, бежишь в то самое место, тебя зовут, а ты не слышишь, для тебя все – преграда. И вот забыв обо всем и обо всех, ты продолжаешь бежать. В твоей голове картинка, точное место, но ты совершенно не знаешь о пути. Ты продолжаешь искать. А этого места больше нет. Оно было, но теперь оно совершенно изменилось. И где же этот чертов голос, который так хотел видеть тебя здесь? А его тоже нет. Он растворился в пути, ему было достаточно твоей беготни. И вот ты, совершенно один: ни голоса, ни места, ни пути, никого, ни тебя... И себя ты потерял. Что ты можешь сделать, дурачоок? Покрути – слышится снова голос. Не верь предателю – да там и второй голос. Ну и что выберешь? Ничего? Снова побежишь? Два голоса, один человек, есть ли смысл выбирать один из них, раз и тот, и другой от одного источника? Крути, зная, что это не конец. Крути, не оглядываясь, пока можешь – крути! Это единственное, что ты можешь, это единственное, что есть.

НАТАЛЬЯ БОГДАНОВА

ОДИНОЧЕСТВО

Это был старый уродливый рояль...

Его жёлтые клавиши устало смотрели на проходящих мимо людей. Крышка давно покрылась глубокими сухими трещинами. Она уже так утомилась открываться, подпуская к своей душе всё новых и новых «маэстро», что стала всего лишь бесполезной и неподвижной частью одного угрюмого и больного целого. Её уже никогда не опустят. Хочешь? Попробуй. Сумеешь? Сыграй. Сотни и тысячи глаз наталкивались на старую деревяшку в углу одной из комнат в пожилой богатой квартире, но не нашлось и пары, что задержались бы дольше, чем на миг. Старые ржавые педали будто всё ещё тянулись к ногам случайных прохожих, но, едва получив лишь одно прикосновение, они издавали жалобный стон страдания и боли, что не могло не отпугивать. Дни сменялись неделями, те – месяцами, что, в свою очередь, превращались в годы. Со временем старый рояль стал всего лишь подставкой под вазоны со старыми сухими фикусами, так же никому не нужными, как и он сам.

Вскоре о старике и вовсе забыли. Тоски и одиночества не выдерживали и струны. Медленно, по одной, они лопались, издавая протяжный стон отчаяния. Но никто ничего не слышал, а если и слышал, то не шибко беспокоился: старая игрушка, ничто не вечно.

Однажды в дверь постучалась Беда. Она вошла тихо и незаметно, разгоревшись после угольком дешёвой сигареты. Желтые клавиши рояля смотрели на пламя со смирением и покорностью. Голодные языки пожирали всё вокруг. Горели книги, картины. Горели даже старые чахлые фикусы в вазонах. И только потрескавшийся от старости инструмент не был тронут острыми горячими лезвиями. Будто старик-рояль всё же должен был дожидаться своего Мастера. Но никто не пришёл. И скорее всего не придёт никогда. Ни одна стихия не сможет разрушить то, что так незаслуженно мечтает быть уничтоженным. Ни одна беда. Кроме Одиночества.

СВОБОДЕН

Тонкая струйка сладкого голубоватого дыма поднимается к потолку. Старые настенные часы показывают почти три часа после полуночи. Он снова сидит над своими рукописями, склонившись низко над столом и покусывая от старания губы. Его сумасшедшие, но усталые карие глаза пристально всматриваются в каждое слово, написанное его рукой. За чёрным окном ветер завывает волшебное танго Шнитке, и под его песню над давно спокойно спящим городом танцует жажда свободы с жаждой стабильности. Он в сотый раз читает своё творение о счастливом отшельнике-путешественнике, сбежавшем далеко от пыльного серого города, наблюдающем за жизнью красочного мира как бы со стороны. Вот он – невероятно глупый и одновременно серьёзный и сложный момент, когда творец завидует своему собственному творению...

У книжного героя было всё, о чём только может мечтать простой земной обыватель: хорошая работа, дорогая машина, просторная квартира. И, казалось бы, всё хорошо, да только главного не было в его серой жизни. Свободы не было.

«Одной осенней ночью, когда весь город тихо наслаждался объятиями Морфея, и лишь беспокойные ветры напевали энергичное, но таинственное танго, ему почему-то не спалось. Мужчина в темноте нащупал стоящий на столе стакан с вином и сделал глоток терпкого кроваво-красного напитка. Он подошёл к окну, открыл его, вдохнул полной грудью холодного воздуха. Его рука потянулась за сигарой. Он поднёс её к губам и, ощутив приторный аромат вишни и табака, закурил. Выходя из его лёгких, сладкий дым вплетался в ночной танец ветров за окном. Мужчина всмотрелся в картинку, которая появлялась перед ним: холмистая местность, покрытая густым прекрасным лесом, река, разрывающая своими потоками и песнями его величественную тишину. И чем больше беспокойный полуночник смотрел, тем больше он видел: там были и парящие в свободных небесах птицы, и блуждающие в поисках пищи животные. Там были разные люди, разные города. За безумным и прекрасным танцем далёкой, не принадлежащей ему жизни наблюдал он долго, но, словно резко пробудившись от приятного волнительного сна, он с досадой захлопнул окно и отправился спать. Но так и не уснул. Закрывал глаза – видел далёкие края, открывал – взгляд его упирался в тонкую стеклянную стену, не пропускающую в его квартиру настоящее Счастье. Он долго думал, взвешивал. Наутро его квартиру нашли такой, как раньше, только некоторые личные вещи её хозяина были заменены на короткое, торопливо написанное письмо, которое просило не искать ранее живущего здесь. Он нашёл Свободу...»

...Он снова сидит над рукописями, склонившись низко над столом и покусывая от старания сухие губы. Он берёт очередную сигару. Дым вырывается из лёгких и, легко танцуя у его губ, по его столу, убегает под потолок, словно призывая бежать с ним, маня за собой. Утром его квартира была открыта. Вещей не было. И только письмо: «Я нашёл Свободу. Не ищите меня». Настенные часы остановились глубокой ночью. В комнате стоял запах вишни и табака...

...Ты, наверное, устал слушать. Уже три часа ночи. Иди спать, я тебя догоню. Не видел мои сигареты?

ЕКАТЕРИНА МЯСНИКОВА

ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР ОДИНОЧЕСТВА

Этот мир бесконечен.

Этот мир всеобъемлющ.

Этот мир однажды был создан тобой.

Ты идёшь...

Бабочка билась в стекло. Яростно старалась пробиться сквозь незримую преграду к свету, притягивающему её, подчиняясь инстинкту, влекущему к неминуемой гибели. За окном сгущались сумерки: окрашивая небо за домами ультрамарином, сохраняя лишь чёткие силуэты строений. Декорации мира: казалось, если зайти за фасад, то очутиться на краю плоской земли; земли, чья шарообразность хоть и доказана, но воспринимается на веру лишь по привычке. Отсюда всё казалось таким плоским, халтурно намалёванным неумелым художником на кривых перекошенных холстах. Вот оранжевые точки разбавили силуэты домов – осветители решили выйти на работу и всё-таки включили софиты подсветки, а на небо выкатили жёлтый шар.

– Это Луна, – гордо сказал кто-то за спиной. – Посмотри, правда напоминает сыр?

– И правда, – ответил ты.

Бабочка устала, или всё-таки совлала с инстинктом, но стук прекратился – теперь ничто не нарушало тишины, кроме шуршащей иглы проигрывателя по давно отзвучавшей пластинке.

– Надо починить механизм, – мелькнула в голове мысль. – Жаль иглу, сейчас новые не достать, а покупать ради двух десятков пластинок новый проигрыватель по баснословной цене – глупо.

Тем временем метаморфозы продолжались – бутылка вина на столе вдруг наполнилась тёмно-рубиновым свечением, а бокал в руке неожиданно потяжелел и изменил форму – теперь в твоих руках была чаша. Окно вытянулось до пола, следом – словно живые – растянулись шторы, превратившись в роскошные, расшитые золотом драпировки. Теперь ты мог созерцать город лежащим у ног, и, если угодно, повелеть, чтобы он обратился в пыль... Он ждал, жаждал твоих слов.

– Карфаген должен быть разрушен, – проговорил ты в ночь. И по небу пробежала первая трещина...

Ты устал от этого сумеречного мира, где каждое утро начинается с того, что заходит солнце. Где Тишина превыше всех звуков, и в её вязкости тонут даже звуки джаза, способные лишь на мгновение прорвать окутавшую всё пелену. Но и в эти мгновения сквозь прорехи сверкают звёзды.

– Карфаген должен быть разрушен, – произносишь ты громче.

И с твоих плеч ниспадает белая мантия с красным подбоем, и слышатся в отдалении то ли шум толпы, то ли голос моря.

– Правда, похоже на море? – шепчет за спиной тот же голос. – Там, за домами, только представь – Море...

И вот уже небо прорезают белые стрелы чаек, беззвучных и суетливых.

– Нет, – отвечаешь ты. – Не похоже.

И по небу пробегает вторая трещина.

Ты распахиваешь окно:

– Карфаген должен быть разрушен! – кричишь ты этому городу... И город рушится, декорации осыпаются в беззвучии, словно колода карт, усыпавшая игральное поле. А следом с хрустальным звоном обрушивается небо, заставляя отшатнуться и закрыть руками глаза...

Всё залито звёздным светом, на земле блестят хрустальные капли оплавленного купола, и где-то за горизонтом появилось еле заметное зарево восходящего солнца.

Ты шагнул в окно, не оглядываясь покидая место многолетнего заточения, оставив за спиной стул с высокой спинкой, белую мантию и стеллажи, уставленные древними манускриптами. Все они послужили своей цели и нуждаются в отдыхе. А тебя ждёт новый мир, в котором не будет больше хрустального свода, шуршания отыгравших пластинок и вечных сумерек, так долго удерживавших тебя в своём плену...

— Carthago delenda est...

КОГДА ВЫРАСТУТ КРЫЛЬЯ...

...над тобой встрепнутся
и не устанут сулить
много неба и света,
пытаясь их спрятать в тела...

«... не приключится тебе зло, и язва не приблизится к жилищу твоему; ибо Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих: на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею...»

ПСАЛОМ 90

Сначала он ощутил толчок. Не сильный, словно кто-то ладонью подтолкнул вперёд. Но через мгновение его буквально швырнуло на колени, в центре вечернего города, прямо на каменную мостовую. Раздался громкий треск и сильно, почти нестерпимо заныла спина. Он обхватил плечи руками и попытался сжаться в комок, уже заранее понимая всю тщетность этой нелепой попытки сдержать боль. Затем попытался неуклюже подняться на ноги, оглядываясь по сторонам в поиске случайных свидетелей, но улицы оказались пустыми. Разогнувшись, всё ещё ощущая предательскую слабость в ногах, он расправил плечи и в тот же миг за спиной что-то хлопнуло, мышцы свело судорогой, и его протащило назад на добрый десяток метров. Он еле удержался на ногах. Оглянувшись, за спиной мелькнуло что-то белое. Развернулся, и снова это напряжение мышц и неуправляемое движение в сторону.

— Крылья, — не поверил он сам себе. — У меня за спиной неведомо откуда появились крылья... Или я просто схожу с ума.

Он завёл руки за спину и с растущей паникой прикоснулся к плотным остовам, покрытым перьями, выходящим из спины где-то в районе лопаток. И, ошалева от происходящего, повернул голову, пытаясь как можно подробнее рассмотреть невесть откуда взявшиеся крылья. Они потрясали воображение: белоснежные, покрытые нежными перьями, плотно уложенными одно к другому, мощные и большие. Не в состоянии здраво осмысливать происходящее, он сделал то, что показалось самым разумным в этот момент — попытался взлететь. Его снова потащило в сторону. С трудом восстановив равновесие, он прислушался к своим ощущениям и отметил, что пытается взмахивать руками, тогда как надо задействовать только плечи. Постепенно дело наладилось: он смог подняться на несколько метров над землёй и вполне сносно держаться на ногах после приземления. Затем он сложил крылья, это получилось само собой, просто решил, что на сегодня хватит.

Уже дома спохватился, что так и не проверил, как это всё смотрится со стороны. Но крылья словно слились с его одеждой, ничем не выдавая своего присутствия, и он облегчённо вздохнул: не хватало ещё обречься в плащ в начале осени.

Ночью долго не мог уснуть, а уснув, ощутил падение и, проснувшись, сел на кровати, сбив настольную лампу внезапно распахнувшимися крыльями.

— К чему мне это, — подумал он. — Всё уже установилось, всё налажено. Почему именно сейчас? Почему не в двадцать, когда так грезились о полётах, почему сейчас?

Дом молчал.

Он долго молча стоял у окна, вглядываясь в ночь, думая о том, что завтра — снова на работу, а в выходные нагрянут родственники и значит надо сделать уборку в квартире. Что чуда с ним так и не случилось, а все мгновения радости просыпались, просеялись сквозь прорехи банальных фраз и отговорок...

— Вот тебе чудо, — услышал он тоненький голосок, идущий откуда-то из глубины души. — Бери, Человек.

Он упрямо тряхнул головой. Всё поздно. Всё это пришло тогда, когда уже нет ни желания, ни сил начинать всё заново. Когда хочется лишь одного – спокойно пройти оставшийся отрезок пути, пройти достойно, без лишних потрясений и дразг.

Занимался рассвет. В комнате всё было устлано белым. Спина болела и сильно кровоточила. Он поднял с пола крылья и завернул в старое одеяло, выбросить их рука так и не поднялась.

Недели бежали за неделями, он всё реже вспоминал тот осенний вечер, спина не болела, полностью избавляя его от непрошенных воспоминаний. Уже всё чаще мир укрывался белым одеялом, всё тише становился ночной город, утопая в снегу, готовясь к долгой спячке.

Город украшали к празднику. Вся детвора носилась с хлопушками и фейерверками, магазины принимали первые набеги предвкушающих праздники покупателей и день ото дня пополняли предновогодний ассортимент продукции. Город бурлил в ожидании.

Он брёл домой. Всё чаще его окутывала глухая тоска, хотелось что-то делать, бежать, вырваться из этого безумного одномерного коловращения будней. Вечерами он смотрел на шкаф, словно мог увидеть сквозь плотные стенки свёрток, к которому всё никак не решался прикоснуться с того злополучного вечера. Но сегодня в голове весь день крутилась вспомнившаяся строчка: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла...» и руки сами потянулись к створкам.

Они всё ещё были там, прекрасные, не утратившие своего великолепия. Он разрыдался, горечь душила его – вот же оно, то самое чудо, о котором так мечталось долгие годы. Он гладил перья, расправляя каждое, боясь дотронуться до неровных срезов у основания. Когда слёзы высохли, он затих, прикорнув тут же, на ковре, среди разбросанных вещей, смятого покрывала и прекрасных крыльев, сияющих в полумраке комнаты.

Утром они исчезли. Его долго пытались разыскать, звонили с работы, пытались допытаться у родных, те только улыбались, и загадочно отвечали, что искать нет смысла, и что он больше не станет перекладывать бумажки с места на место в маленькой конторке невзрачного предприятия.

Он шагал по заснеженным улицам, улыбаясь новому году, неся за спиной свёрнутые крылья, готовые распахнуться в любой момент и поднять его над городом, в самое сердце метели, к самому началу всего, что только собирается сбыться в грядущем новом году...

Теперь он знал.

АНАСТАСИЯ МОЗГО

БЕЗДОМНЫЙ БОГ

Маленькая девочка играла во дворе, рядом на тёплом песке дремал котёнок. Июнь выдался прохладным, шаловливый ветер так и норовил запутать волосы рыжеволосой девчонки, Мара же, смеясь, продолжала рассказывать своей лучшей подружке – кукле с золотыми волосами и голубыми глазами свои секреты. О том, как она играет в догонялки с ветром, как бегают они по траве, пока она, звонко хохоча, не упадет от усталости, о том, как любит она играть в прятки с солнышком, как весело в знойный день ей прятаться в тени деревьев, уговаривая их не выдавать её солнцу. О том, как любит она вместе с капельками дождя прыгать по лужам и танцевать, замирая в разных фигурах. Но больше всего любила она разгадывать загадки неба, увидит белые и пушистые облака и рассуждает, кем или чем они могли быть.

Вдруг зеленоглазый мальчик присел рядом и протянул девочке ветку папоротника.

– Ой, а ты кто?

– Я – Бог.

- А что ты здесь делаешь?
- Ищу свой дом.
- А что случилось с твоим старым домом?
- Его разрушили, остались только старые подвалы.
- А кто его разрушил?
- Время.
- А где твои мама и папа?
- Не знаю.
- И тебе совсем не страшно?
- Нет.
- И плакать не хочется?
- Нет.
- Ни капельки? Честно-честно?
- Честно.
- А ты не врешь?
- Не могу, я же Бог.
- А разве бывает бог бездомным?
- Но ты же мне pomoжешь построить дом?
- Из песка?
- Нет.
- А из чего?
- Из твоего сердца.
- А это как? Оно же у меня внутри? Как из него можно что-то построить?
- Вырастешь – поймешь.
- Но я уже большая. У меня даже котик есть, и я его кормлю.
- Просто пообещай, когда мы встретимся в следующий раз, ты мне подаришь цветок папоротника.
- Это вот такую зелёную веточку? И всё?
- Да. И всё.
- Хорошо, обещаю.
- Я буду ждать.

Тут мама с балкона позвала маленькую девочку домой кушать, она ответила. А когда обернулась, мальчика уже не оказалось рядом.

Она взяла свою куклу и веточку папоротника, аккуратно положила их в пакетик, взяла сонного котёнка на руки и побежала домой обедать.

Прошло десять лет. Рыжеволосая девчонка повзрослела. Но она, как и в детстве, любила слушать ноктюрны летнего дождя, сидя дома в мягком кресле. Обожала она читать поэзию облаков, сидя в парке на скамейке и слегка запрокинув голову.

Она успешно окончила первый курс, сессия была позади. Осталась последняя встреча с друзьями, пока все не разъехались на летние каникулы.

Студенты-этнографы, с которыми она успела сдружиться за год, пригласили Мару встретить с ними Купальскую ночь. Она любила проводить вечера в общежитии в компании веселых и озорных историков. С горящими глазами она слушала про пакости леших и водяных, про сладкоголосые речи русалок, про заботы домовиков.

Июнь выдался холодным и дождливым. Полчаса на автобусе, полчаса пешком по мокрому оранжевому песку, потом по узкой заросшей тропинке к поляне у берега реки, где часть ребят уже готовила место для костра. Серое небо, легкая изморось, смех ребят и возня девушек с едой.

Артур, знакомый с этими местами с самого детства, предложил прогуляться к разрушенному помещью неподалёку. От него остались только подвалы, поросшие травой и кустарниками. Мара не смогла устоять и вместе с ребятами отправилась к развалинам, по дороге доплетая венки.

- Ну что, Мара, пойдешь искать цветок папоротника?
- А зачем он мне?

– Как!? Мало ли клад найдёшь, или ещё что-нибудь. Вдруг повезёт.

– Нет уж, спасибо, мне и ветки хороши, – ответила она, вплетая последнюю веточку папоротника в венок.

К разрушенным подвалам пришлось пробираться через кустарники, крапива хлестала по рукам, ветки цеплялись за волосы. Но едва ли кто-нибудь это заметил. Спуск к развалинам был крутой, после дождя трава была мокрая и скользкая. Вот и первое прикосновение Мары к неподдельной истории – красный кирпич, сочная зелень трав, сырой и прохладный воздух из тёмных мрачных, полуразрушенных погребов, капли на стенах, дыхание спящего ветра. А полтора века назад, над этими погребками проводились балы, кипела жизнь. Теперь чей-то дом разрушен временем, а память о нём скоро порастет травой и скроется от глаз людей, пока не рухнут погребки. Осмотрев развалины, ребята вернулись к костру, где уже начали варить крупник.

Песни, байки, купальские игры – время пролетело незаметно. Начинало смеркаться. Алина позвала Мару спускать венки на воду, загадывать желания. Рыжеволосая девушка молча побрела следом, старый ветер из погребов шепнул ей что-то важное: данное когда-то давно обещание, папоротник, мальчик, разрушенный дом, сердце... Она пыталась сложить мозаику из осколков памяти.

– Мара, давай бросай, теперь твоя очередь! Смотри наши уже плывут!

Мара бросила венок, не думая ни о желании, ни о том, куда поплыл венок, ни о том, добросила ли она его до воды. Она вспомнила слова странного зеленоглазого мальчишки.

Хоровод вокруг купальского кола, песни, прыжки через костёр и долгая ночная дорога домой пешком.

– Ой, Мар, смотри, у тебя к рюкзаку ветка папоротника прицепилась. Давай сниму.

– Не нужно Алин, я на память оставлю.

– Дурочка, зачем он тебе?

– Я обещала.

Алина и Мара снимали квартиру вместе, они вместе ходили на занятия по физкультуре, там и подружились. Алина была прагматичной, всегда шутила над постоянным витанием в облаках своей соседки. Дальше они шли молча.

Прошло пять лет. Мара окончила университет, работала учительницей в школе. Она сидела у окна и пила чай с мёдом, посматривая то в окно, то на маленькую татуировку на запястье в виде папоротника, маленьком напоминании о детском обещании.

За окном снежинки кружились в вальсе, по сугробам носилась детвора, а легкий ветер нежно наигрывал ноктюрны на покрытых инеем веточках берез. Взрослые в шапках и капюшонах с сигаретами или телефонами, с пакетами или без них бежали домой или по делам. Дети же наслаждались беспечностью, падали на спину, рисуя ангелов на декабрьском снеге, строили крепости, лепили снеговиков, катались с горок. Звонко и холодно за окном, а в квартире тихо и тепло. Мороз не рисует узоры на новомодных окнах ПВХ из Германии, никто не смотрит ни на окна, не выглядывает из них, закрываясь от мира и не впуская в свой. Струйка пара золотистой змейкой вилась над чашкой, напоминая о летних цветах и тёплом солнышке. Играла тихая музыка. Роберт и Клара Шуманы рассказывали историю своей любви.

Раздался телефонный звонок, Алина попросила встретиться с её другом и забрать у него пару книг по этнографии. Она опять где-то чем-то занята, и никак не может. Мара привыкла выручать вечно занятую карьерным ростом подружку. Собралась и побрела на остановку.

Через полчаса она уже была на месте, выискивая в толпе молодого человека с охапкой книг.

– Извините, вы – Мара?

Она обернулась, чтобы ответить, но не смогла.

Лукавый взгляд зеленых глаз, тёплая улыбка, книги. Она наконец-то встретила своего бездомного бога с детской площадки. А сердце готово было начать стройку самого прекрасного храма под названием Любовь.

ТАТЬЯНА КРАСЬКО

СВЕТИЛО СОЛНЦЕ

Перед выездом на работу я всегда прогреваю свою машину возле подъезда. Это утро не стало исключением. Я завела мотор и включила радио. Опять на моём капоте спал какой-то кот! Сильно линяющий кот! Я достала тряпку и направилась убирать светло-серую шерсть, которая была отчётливо видна на солнце, что светило не по-весеннему ярко этим утром. Когда с работой было покончено, я уже было собиралась отъезжать, но боковым зрением заметила худую женщину, сидящую на скамейке детского двора. Она сидела с высокоподнятой головой и, судя по всему, смотрела на небо. Я подумала, что это какая-то пьянчужка, но тут увидела подбегающую к ней маленькую чёрную собачку, на чьей шерсти можно было заметить седые вкрапины. Собачка бегала у ног женщины и жалобно скулила. «Голодная, наверное» – подумала я и села в машину.

Подъехав вечером к дому, я невольно глянула на скамейку, на которой утром сидела женщина с собачкой. Она была пуста. Я поставила машину на сигнализацию и поднялась в квартиру. С порога по традиции ко мне подбежал сынуля. Я обняла его и поцеловала. С кухни вышла моя мама. Она была явно без настроения.

– Привет, мам! Спасибо, что забрала Тёмку из садика.

– Не за что. Раздевайся и садись ужинать.

Через десять минут мы сидели на кухне. Я за обе щеки уплетала мамины драники, а Тёмка пил свой любимый абрикосовый сок.

– Тём, ты допил уже? – тихо спросила мама.

– Да, – довольно ответил пятилетний мальчик.

– Тогда иди игрушки собирай, которые по всей комнате разбросал.

Артём скорчил недовольную рожицу, выпатив губы вперёд и сузив свои огромные голубенькие глазки.

– Да-да, Тёмкин, иди убирай. Придёт папа, зайдёт к тебе в комнату, чтобы пожелать тебе спокойной ночи, и нечаянно раздавит какую-нибудь твою машинку.

– Нет! – ребёнок округлил глаза и побежал в свою комнату.

Мама улыбнулась.

– Как дела? – спросила я, заваривая чай.

– Знаешь Лену с четвёртого этажа? – будто не услышав моего вопроса, спросила мама.

– Эта та, которая на класс младше меня?

– Да.

– Ну, знаю. Но я её давно не видела. Она же замуж вышла и уехала.

– Она вернулась недавно...

– Развелась с мужем что ли?

– Нет.

– Тогда почему?

– У неё же рак крови обнаружили лет десять назад, но тогда ей операцию сделали и болезнь вроде как отступила.

– Ничего себе! Первый раз об этом слышу! – перебила я её. – Подожди, вроде как? Что это значит?

– Год назад она родила и болезнь вернулась. Но на этот раз медицина оказалась бессильна. Вот она и переехала к маме, так сказать, доживать.

– Ужас какой! Как она?

– Так умерла она сегодня... Как вышла с собакой гулять, так и не вернулась. На детской площадке нашли, – добавила мама после некоторого молчания.

Так это была она. Та старая женщина. Хотя какая она старая? Всего на год младше меня, двадцатисемилетняя девушка. Что только не делает болезнь с людьми? Всего четыре года назад я видела её гуляющей с той самой чёрной собачкой. Она была молода и красива, готовилась к свадьбе. В день её свадьбы весь подъезд высыпал на балконы, чтобы посмотреть на такое зрелище, ведь свадьбы в нашем подъезде – дело редкое. Тот день я прекрасно помню, так как он был очень пасмурным. «Не знаю, чем думают люди, которые женятся зимой», – подумала я тогда и только посмеялась. А вот и зря. Пока сторона жениха проходила четыре этажа испытаний, распогодилось, и к моменту отъезда жениха с невестой в ЗАГС вовсю светило солнце. С того дня я её больше такой не видела.

Через два дня были похороны. Моя мама уговорила меня пойти вместе с ней. На кладбище я увидела её мужа, который держался либо с мамой Лены, либо один. Он часто поднимал голову вверх и смотрел в безграничное голубое небо. Он улыбался. А знаете почему? Светило солнце...

ВИКТОРИЯ ЧЕРНЯВСКАЯ

МАЛЕНЬКИЙ РЫЦАРЬ

Даниэль всегда выделялся среди своих одноклассников. В то время как все мальчишки интересовались новыми версиями полюбившихся видеоигр, Даниэль читал книги. Все его знакомые считали чтение своего рода наказанием, ведь читали они только в том случае, если родители заставят их сделать это. Поэтому Даниэль и был одинок. Он был словно не от мира сего, «чуждак», как его любили называть одноклассники. Он жил в мире фантазий, которые рождались на почве прочитанных им произведений. Он любил легенды о короле Артуре и рыцарях Круглого стола. В мыслях Даниэль перемещался в Камелот, где совершал подвиги во имя короля Артура, был защитником прекрасных дам или отправлялся на поиски Святого Грааля. Он был настоящим фантазёром. Мысли, которые приходили к нему в голову, словно брёвна, уложенные в стройный ряд, образовывали мост из скучной и обыденной действительности в потрясающий мир смелых и благородных рыцарей, доблестных подвигов и опасных приключений. Неотъемлемой частью этого мира являлось волшебство. Даниэль воображал себя учеником Мерлина, который не только помогал королю Артуру, которым так восхищался Даниэль, но и был способен на многие чудеса, к примеру, на превращение в животных. Но чем ярче и разнообразнее были фантазии, тем скучнее была реальность, в которую нужно было возвращаться. Даниэль словно падал с обрыва, который возникал ниоткуда, когда он бежал по зелёному полю, усеянному цветами, и наслаждался солнечным теплом, лёгким дуновением ветра и пением птиц.

Родители Даниэля были очень обеспокоены его замкнутостью. У мальчика не было друзей, да и с семьёй он никогда не делился сокровенными мыслями. Однако больше всего их встревожил конфликт, который произошел между ним и его одноклассниками. Даниэль, как обычно, возвращался домой один. Когда он завернул за угол, он увидел группу мальчишек, которые преграждали ему дорогу. Он попытался обойти, но один из мальчиков, видимо, зачинщик, вышел из общего ряда и толкнул Даниэля, от чего тот чуть было не упал, в последний момент удержав равновесие. Его лицо не выражало совершенно никаких эмоций, он был спокоен не только с виду, но и внутри. Для него стали привычны нападки со стороны одноклассников, которые поначалу злили его. Он понимал, что мальчикам не нравится то, что он не такой как все, но и менять в себе что-либо он не собирался. Так что он спокойно ожидал следующего удара со стороны лидера группы мальчишек, двоечника Росса. Спокойное ожидание сменилось удивлением, когда, вместо того, чтобы применять физическую силу, Росс выхватил портфель из рук Даниэля, который теперь находился в полном смятении и не понимал, чего ждать от мальчишек. Росс со злостью вывернул портфель, и на асфальт градом посыпались учебники и школьные принадлежности Даниэля. Затем он приказал своим приятелям взять по книге, которые в растрёпанном виде лежали на асфальте. Те, в свою очередь, беспрекословно повиновались своему предводителю. И тут Даниэля охватила тревога, перед его глазами пронеслись десятки возможных сюжетов развития дальнейших действий, но все они заканчивались одинаково, Даниэль сделал вывод, что его самое драгоценное сокровище, книги, будет испорчено. Всем своим видом он пытался показать, что его никак не волнует то, что будет дальше, что действия мальчишек не вызывают у него никаких эмоций в то время, как внутри у него бушевал ураган. Ему было обидно, ком застрял в горле, и казалось, что через мгновение из его глаз хлынут слёзы. В этот момент он вспомнил доблестных рыцарей, подвигами которых он так восхищался, вспомнил то, с каким мужеством они преодолевали любые трудности, которые попадались им на пути. Он понял, что по сравнению с тем, какие испытания преодолевали рыцари, его испытание не слишком сложное, это всего лишь проверка стойкости его духа, которую он просто обязан пройти.

Росс пристально вглядывался в лицо Даниэля, выискивая малейшее изменение в его мимике, но всё было безуспешно. Росса охватила ярость, и он громко выкрикнул в толпу: «Разорвите эти чёртовы книги на маленькие кусочки! Превратите их в мусор!». И все мальчишки принялись с энтузиазмом исполнять приказ своего лидера, не задумываясь. Им скорее хотелось угодить Россу, нежели насолить Даниэлю, над которым они и так чувствовали своё превосходство. Даниэль не издал ни малейшего звука, не сделал ни малейшего движения для того, чтобы ответить на брошенный ему вызов, он молча стоял и смотрел прямо в глаза Россу.

Его взгляд был бесстрашен, но в то же время в нём можно было разглядеть глубочайшую грусть, грусть от постоянного одиночества, жестокой несправедливости и несовершенства действительности. Взгляд Росса был похож на взгляд разъярённого быка, который вот-вот бросится, чтобы разорвать в клочья проносающуюся перед ним красную мантию. С книжками было покончено. Всё, что от них осталось, – горстка мелких клочков бумаги и твёрдые обложки, с которыми мальчики не смогли расправиться. Росс был в растерянности, его действия оказались безуспешны, но его не оставляло желание сделать Даниэлю больно. Выход был один: причинить физическую боль, раз уж не удалось уничтожить его морально. И тогда Росс со всей силы толкнул Даниэля так, что тот даже опомниться не успел. Даниэль пришёл в себя только тогда, когда вокруг него собралась небольшая толпа любопытных прохожих, которые внимательно следили за действиями девушки, помогавшей мальчику прийти в себя...

Даниэль не хотел рассказывать родителям о происшедшем, несмотря на то, что они надоели ему своими расспросами. На протяжении недели они ежедневно навещали его в больнице и ни разу не забыли спросить о происшедшем или предположить вероятное развитие событий. На все вопросы Даниэль отвечал уклончиво, а потому никто не мог нарисовать себе полную картину произошедшего. Когда терпение родителей лопнуло, они решили отдать мальчика в руки профессионала: они отвели Даниэля к психологу, в надежде на то, что тот прольёт хоть каплю света на произошедшее, но и из этого ничего не вышло. Психолог посоветовал родителям обратиться к психиатру, подозревая, что у мальчика аутизм, и он не ошибся в своих подозрениях. Тем не менее, эта информация никак не помогла родителям разобраться в проблемах сына.

После возвращения домой Даниэль ещё больше отдалился от родственников, он чувствовал себя лишним, даже когда находился дома, а о том, чтобы вернуться в школу, даже и речи быть не могло. Родители несколько раз пытались уговорить сына пойти в школу, но слишком настойчивы они не были, так как боялись нарушить и без того слабую психику сына.

Несмотря на то, что Даниэль везде чувствовал себя чужим, у него всё же было любимое место, где он проводил большую часть своего времени. Семья Даниэля жила в доме, расположенном недалеко от леса, где он любил гулять, представляя себя рыцарем, жаждущем новых испытаний. Однажды, во время очередной такой прогулки, Даниэль сошёл с привычной тропинки и оказался в совершенно неожиданном месте. Это была часть леса, которая, видимо, давным-давно пострадала от пожара, и всё, что осталось от зелёных деревьев в этом загадочном месте было лишь обуглившимися стволами деревьев разной высоты и толщины. Но больше всего мальчика поразило то, что в самом центре этого места, где жизнь, казалось бы, замерла раз и навсегда, стоял дуб, который был не тронут разрушительной силой огня. Именно под кроной этого дуба Даниэль любил читать и предаваться своим фантазиям об идеальном мире.

В тот осенний день Даниэль как всегда пришёл посидеть под кроной надёжного дуба, которая скрывала его от сильного ливня, и всё так же предавался своим безграничным фантазиям. Капли дождя с шумом бились о широкие листья дерева и разбивались на мельчайшие капельки, так и не достигнув земли. Но сквозь этот однообразный шум дождя, Даниэль услышал чей-то слабый писк. Он присмотрелся и увидел маленького птенца, который, видимо, выпал из гнезда так и не дождавшись своей матери, которая должна была принести ему подкрепиться. Даниэль не мог бездействовать, он решил вернуть птенца в гнездо, хотя и заметил, что оно расположено довольно высоко. Ему не составило труда залезть на дерево и доставить птенца в гнездо в целости и невредимости. Он начал аккуратно спускаться вниз: шаг за шагом, ветка за веткой, он становился всё ближе к земле. Но неожиданно его нога соскользнула с мокрой от дождя ветки, и он, хватаясь в воздухе за невидимый канат, падал, стремительно приближаясь к необратимому, к смерти. Вдруг, он почувствовал резкую боль в районе груди от падения на ствол низкого заострённого обгоревшего деревца, которое безжалостно впилося в грудь молодому юноше и забрало его жизнь. Последней картиной, пронёсшейся в воображении мальчика была смерть доблестного рыцаря от меча, вонзившегося в его сердце.

ВИТАЛИЙ ТАЙНОВ

ПЛОХАЯ СКАЗКА

Good night, sweet girl...

Игрушки Нелли были разбросаны вокруг импровизированной песочницы. «Песочница» на деле представляла попросту горку песка, всунутую посреди убогого двора между старых гаражей-ракушек и проезжей частью, изрытой частыми ямами наподобие лунной поверхности. Песок, смешавшись с землёй, давно превратился в серую смесь, отчего «песочница» напоминала осквернённую могилу, из которой торчали тут и там проросшие по весне травы и разноцветные детские лопатки с грабельками, жутко походящие на искусственные цветы.

Нелли сидела и редела на серой полупрогнившей скамейке неподалёку. Самый редкий родительский подарок – «Киндер-сюрприз», который доставался ей раз в год на день рождения, – был отобран ребятами постарше, пообещавшими отдать его в ответ на что-то издевательское. Малышка её даже не поняла, к тому же она не верила незнакомцам на слово. Нелли с мамой переехали два дня назад, и девочка была на редкость стеснительной и осторожной. Поэтому она предпочла как можно серьёзнее потребовать отобранное назад и, получив насмешливый отказ, убежала за ближайший гараж как можно быстрее, чтобы хотя бы не доставить удовольствие злым детям видеть накапывающиеся слёзы.

– Ты чего хнычешь, м?

Девочка подняла взгляд. Перед ней стоял смуглый черноволосый мальчик, вытаращив на неё большие голубые глаза. Парнишка был опрятный, причёсанный и хорошо одетый – таких Нелли видела только в богатых районах, когда мама отводила её к доктору Беркли. Она хорошо запомнила тот день, как мать пыталась исподтишка всучить мистеру в халате тщательно пересчитанные бумажки, как тот что-то раздражённо объяснял про какой-то «прейскурант» и тыкал пальцем в заламинированные листы на столе. Как потом мама пошла с отвратным доктором в соседнюю комнату и вскоре вышла с натянутой улыбкой, с глазами на мокром месте. Позже девочка получила, возможно, судьбоносный укол.

Нелли была нездешняя, иначе бы даже не посмела заговорить с «богатыньким», как учили других детей отсюда. Поэтому она выдавила, всхлипывая:

– Какое... какое тебе дело?

– Девочек нельзя обижать, вот какое! Кто тебя расстроил?

Она разрыдалась ещё сильнее, но показала рукой в сторону гаража, за которым находились обидчики.

– Жди меня здесь и не реви, поняла? – сказал мальчик, обняв её обеими руками за плечи. И тут же решительно пошёл за гараж.

Нелли вдруг затихла, испугавшись за случайного защитника. Из-за гаража донёсся детский крик, затем глухой топот убегающих ног. Минуту-другую подумав, она встала со скамейки, сделала несколько шагов в ту сторону, куда пошёл мальчик, и несмело заглянула за угол гаража. В глаза бросилась красная полоска на земле и несколько пятен на стенке гаража того же цвета. Нелли подошла ближе.

– Это твоё, верно? – потрёпанный, но при этом всё ещё парадоксально ухоженный мальчик подобрал с земли брошенный «киндер» и протянул ей. Нелли недоверчиво взяла отобранное.

– Ты меня не видела. Беги домой! – мальчик тронул её за руку и убежал в сторону Страшной аллеи.

Нелли послушалась и бросилась домой. Странно, но она боялась больше за незнакомого мальчика, нежели за себя. Поэтому, когда родители ребят пришли к маме выяснять, кто обкидал их детей камнями за гаражами, Нелли сказала, что сделала это сама в отместку за отнятый подарок. Недельку «домашнего ареста» она провела у узкого окна их комнатухи, пытаясь высмотреть того самого мальчика в окне, но тщетно.

Нелли шла в школу вдоль аллеи, уныло повесив голову. В руке болтался ненавистный старенький «взрослый» портфель – девочка очень стеснялась ходить с ним в школу, она знала, что за глаза другие дети высмеивают его.

«Эта странная с древним портфелем опять приперлась!» – Нелли прокручивала в голове те фразы, которые улавливала в издевательском шёпоте одноклассников раз за разом, приходя на урок.

– Идите вы все! – она замахнулась портфелем в сторону кустов, но тут же замерла, увидев того самого мальчика. Он сидел на поваленном столбе и беззаботно болтал ногами.

Боясь спугнуть его, будто не верила своим глазам, она робко подошла к нему со спины и произнесла:

– Привет.

– А, привет, Нелли!

– Как тебя зовут? – девочка удивилась, что он откуда-то знает её имя, но, всё ещё не веря в его существование, просто спросила имя в ответ.

– Клаус, – гордо произнёс мальчик и продолжил: – Но ты можешь называть меня Мика – меня так все зовут.

Нелли растерялась, но тут же вспомнила про задуманное в ту самую неделю «домашнего ареста»:

– Мика, подожди тут, я мигом!

Девочка бросила портфель на землю и побежала домой так быстро, как только могла, взяла приготовленный заранее «киндер-сюрприз» и побежала обратно.

Портфель лежал на поваленном столбе рядом с Микой. Нелли с облегчением вздохнула, замедлив шаг, и спрятала подарок за спину.

– Угадай что? – она стала перед ним, хитро улыбаясь во весь рот. Парень растерянно развел руками.

– Держи, это тебе! – она вручила ему «киндер» и тут же живо затрясла ручками. – Открой, ну! Интересно же!

Мальчик, казалось, слегка засмутился, но послушался. Разломав шоколад, Мика обнаружил внутри розовое девчачье колечко из пластика. С лица Нелли сразу пропала улыбка: она расстроилась, что подарок ему не пригодится – парни ведь не носят таких!

Мика вежливо улыбнулся, поблагодарил девочку и неожиданно сказал:

– А давай провожу до школы?

– Давай, – согласилась Нелли.

Он взял её портфель и проворно прыгнул со столба. Аккуратно собрав шоколад обратно в упаковку, Мика бережно засунул его в карман брюк, и они пошли в сторону школы. Ребята почти всю дорогу стеснительно молчали, обмолвившись всего несколькими фразами. Отвлекая девочку одной из них, Мика незаметно подложил скомканную фольгу с шоколадом в кармашек портфеля Нелли.

– Держи, – парнёк протянул его, остановившись возле входа в школьный двор.

«Конечно, он тоже стесняется древнего портфеля», – поняливо согласилась Нелли про себя (не заметив, кстати, штуку с шоколадом), но всё равно поинтересовалась:

– А тебе разве не нужно в школу?

– Я здесь не учусь, – загадочно ответил Мика и поцеловал её в щёку. – Пока, – он убежал, вручив портфель и ярко порозовев от стеснения.

С тех пор Мика провожал девочку в школу каждый день. Время от времени он незаметно подкладывал ей разные сладости в портфель, чтобы лишний раз порадовать подружку. Нелли делала вид, что не замечает, чтобы не обидеть ненароком мальчика. Так шли месяцы, и однажды, накануне «экстренных каникул» по причине объявленной эпидемии, он встретил её уже по пути домой.

– Нелли! – крикнул он, сидя на всё том же столбе.

– А! Привет, Мика! Ты сегодня опоздал утром?

– Мама осторожничает, не пускала, а я сбежал. Как ты?

– Хорошо. Очень.

Они пошли, разговаривая про странную болезнь, из-за которой едва ли не все дети школы лежали в переполненном госпитале. Нелли чувствовала себя прекрасно и была даже немного рада происходящему, ведь в школе её недолюбливали, и там у неё не было ни одного друга, наоборот, дети всегда смотрели на странную девочку косо, особенно после того, как та не проявила ни малейшего признака заболевания. К тому же, у неё был сегодня день рождения, и было так хорошо в свой главный день в году идти с лучшим другом по аллеям и болтать обо всяких мелочах.

Подходя к тем самым гаражам во дворе, Нелли заметила маму в окне. Та взволнованно искала взглядом дочку, и, найдя, притянула руку к груди, словно крепко прижав к себе что-то дорогое и важное, и вновь пропала из виду.

– Пришли, – сказала девочка.

Мика пошарил в кармане и достал то самое розовое кольцо.

– Нелли, будешь когда-нибудь моей женой, а? – мальчик выпалил и посмотрел на неё взглядом полным самой искренней надежды.

– Буду! – растерявшись на секунду, тут же спохватилась девочка.

Мика взял её руку и надел ей на палец кольцо из «киндера», а затем поцеловал в губы.

– Мама волнуется, побегу! Мика, приходи завтра к столбу, а?

– Приду.

Нелли поспешила домой.

Мика не появился у столба ни завтра, ни послезавтра, а девочка не смогла отлучаться чаще, ведь мама слегла в тот самый день, когда Мика ей надел кольцо, и малышка невольно оказалась в роли маленькой сиделки. То был худший день рождения в её жизни, и казалось, что, едва радостная Нелли пересекла порог своего дома, всё пошло не так.

Мама заболела всё сильнее и стала пугающе бледной, едва ли не одной палитры с бетонными стенами комнаты.

– Девочка моя, ты одна у меня, как... – Она с трудом выговаривала слова, и остановилась, будто набиралась сил, чтобы договорить.

– Нет, мам! Мика придёт, он придёт! – Нелли почувствовала неладное и поспешила убедить маму, что всё обойдётся. – Он раньше всегда приходил, честно-честно, и я вас познакомлю, ты видела его, во дворе, тогда! И это он кидал в тех ребят камни! Он защитит нас, я знаю! – малышка тараторила без конца, а лицо матери исказилось ужасной гримасой боли, смешавшей в себе нежность с жалостью.

– Доченька, там не было ни... не было мальчика, – мама раскашлялась, и, вернув дыхание, молча заплакала.

Нелли осенило: «Мама не верит! Мама не разглядела или просто забыла, точно! Но он-то был, как это «не было»?!» Она принялась рассказывать про мальчика, хватаясь за тонкие нити деталей, но с каждым следующим словом слёз на лице матери становилось всё больше, а слова девочки становились всё тише. Нелли прекратила безуспешные попытки и убежала из комнаты.

После недельной агонии мама умерла, как и почти все остальные в этом районе. Её похоронили без всяких церемоний в братской могиле. В тот день, когда маму забрали, сердобольная соседка не пустила девочку смотреть на страшные похороны. Ночью ей всё равно удалось сбежать из дому, но Нелли не пошла к могиле, так как хорошо понимала, что уже ничего не вернешь. Она пошла к тому самому столбу и проревела там до утра.

Нелли вернулась в пустую квартиру, выплавав, казалось, все слёзы. Наивному ребёнку пришлось жить самостоятельно. Чудом она сумела обнаружить в себе талант воровать съестное, прятаться искусней ночного зверя и отбиваться от таких же голодных детей. Дни шли, а тучи сгущались, назло всему доброму, что ещё оставалось в людях.

Девочка слышала от выживших, что почти все бедные районы в её городе разделили ту же участь, что и Битрэйл. И в этом винили богатую Корпорацию, её сытых и хорошо одетых, а главное, выживших подопечных. Естественно, было невозможно что-то доказать – те от всего откешивались, говоря, что вирус был создан в подпольных лабораториях каких-то мстительных бандитов-бедняков, стремящихся очернить имя Великой Корпорации, и что их великолепные доктора, самые добросовестные и неподкупные доктора, спасали в первую очередь своих жителей. «Мы просто не успели в должной мере оказать помощь собратьям, потерпевшим бедствие в стремительно развернувшейся техногенной катастрофе», – говорилось в официальном ответе представителей Корпорации, транслировавшемся по всем радиостанциям и телеканалам.

Наступила осень. Дома района превратились в страшное пустынное место: выжившие ютились в тёмных неотапливаемых бетонных коробках, жгли костры, чтобы хотя бы как-то согреться, и, когда закончились все запасы продовольствия, начали мародёрствовать и убивать друг друга, чтобы прожить лишний месяц-два, спасаясь отобранными припасами. Временами они теряли людской облик настолько, что не гнушались перебиваться человеческим мясом.

Нелли осталась одна – в кошмарной суматохе никому не было до неё никакого дела. Она, как могла, забаррикадировала двери самым тяжёлым хламом в квартире, чтобы никто не смог её достать. Девочка проделала узкие ходы в квартиру через стены балкона, так, чтобы вскарабкаться по стене и протиснуться в них мог только такой же маленький человечек, как она сама.

Она выжила. По крайней мере, так казалось со стороны. В Нелли не осталось ни крупинки веры – её будто выжгли из сердца калёным железом. Существование порой напоминало страшный сон, а когда она засыпала на самом деле, то видела мир, больше похожий на прежнюю реальность: живую маму, всю в вечных хлопотах, заботливую и любящую, Мику, единственного, кто ей на самом деле был близок. В сновидениях Нелли он приходил к поваленному столбу, они брели по бесконечной аллее и болтали, ей становилось тепло

и уютно. А в конце они женились, хотя девочка и не видела никогда настоящей свадьбы, но знала, что на любимых в конце всегда женятся, и живут потом счастливо и долго.

– Нелли, тебя хочет!

– Я не сплю с врачами, – она хмыкнула с презрением, угадав странным образом профессию клиента, не выглядывая из-за пожелтевшей газеты.

– Забудь, докторишка, я погорячее, – проститутка склонилась над лобовым окном так, что её пышная грудь прямо-таки распласталась на нём. Рука на руле лениво махнула, зазывая в салон, и проститутка жеманно забралась внутрь. Машина уехала.

Нелли осталась «на посту» одна. Она отложила газету в сторону, провожая скучающим взглядом автомобиль. Зловещие тучи зажимали в свои чёрные тиски ядовито-алый закат. Ветер, то и дело попирающий вершины распоясавшихся сосен, сдул потрепанную газету с поваленного столба. Девушка картинно бросила в неё окурочек.

– С днём рождения, Нелли-и-и! – она пропела в пустоту и сделала щедрый глоток дрянного пойла, изсмешливо оставленного прошлым клиентом в качестве подарка.

Свет фар вырвал её из полумрака Страшной аллеи. Нелли нехотя поднялась и, шатаясь, подобрела к авто.

– Господин желает по... ик... позабавиться, да? – она спросила у мужчины за рулём, подбоченившись, и вызывающе провела рукой по груди, животу и ниже. На ней были чулки в крупную сетку, максимально короткие шортики, высоченные туфли на высокой платформе и почти клоунский разноцветный макияж.

– Заползай, Нелли.

Она села в салон. Авто не тронулось.

– Прямо здесь потр..., – она посмотрела на водителя и запнулась на полуфразе. Тот протягивал ей «киндер-сюрприз».

– С днём рождения, Нелли, – он произнёс в полной тишине, так, что она на секунду подумала, что это прозвучало только в её голове.

– М-м-мика? – она протянула, ещё не веря в происходящее, мгновенно протрезвев, и произнесла второй раз почти неслышно: – Мика.

Нелли трясущейся рукой взяла «киндер» и, будто очнувшись, кинулась к нему на шею. И тут же отпрянула, бросившись колотить его изо всех сил.

– Сволочь! Ты, натуральный дьявол! Все сдохли, понимаешь?! Мама, остальные, все! Ты не мог! – она рванула дверь, силясь сбежать, но та была заперта. – Открой! Я сказала, сука, открой! – она дёрнула ручку всё слабее и слабее, пока не разрыдалась, бессильно спрятав руками лицо.

– Нелли, нас увезли с семьёй, я не знал, где ты! – его голос на момент сорвался и охрип, он коснулся рукой её плеча. – Я даже не знал, жива ли ты.

Она смотрела на него красными, мокрыми от слёз глазами. По щекам размазалась тушь, нижняя губа дергалась, будто она пыталась что-то сказать, но не осмеливалась.

– Я приехал за тобой, – он разломал «киндер», раскрыл её ладони и положил туда кольцо, накрыв своей рукой. Настоящее кольцо, из настоящего твёрдого и слегка прохладного металла. Мика прижался своим лицом к её лицу и стал целовать. Они кусали губы друг друга до боли, до остервенения. Всё стало светлым.

Мир захлопнулся.

Нелли расплылась в кривой противоестественной улыбке.

– Она бредила в конце.

– Опять Мика и всё такое?

– Угум. Мы просто не вытащили её в этот раз.

– Жалко, – он затянулся дымом, пнул грязную скомканную газету, в которой лежали шприцы и дотлевал окурочек с остатками помады на фильтре. На развороте показался заголовок: «Годовщина катастрофы: как мы победили апокалипсис». Мужчина с отвращением продолжил: – Дрянной день, бля... Позови девочек с аллеи, пусть помогут, ну, это... с телом.

За шторой, встречаемый щебетом птиц, просыпался ржавый рассвет.

ПРИГОВОР

Корабль приземлился на пустынную планету, которая уже давно потеряла своё имя. Исчезла цивилизация, а потому и некому было помнить, казалось бы, простое название планеты.

Пыль поднялась и закрыла обзор людям, находившимся в корабле. Им понадобилось всего лишь каких-то пять минут, чтобы обзор улучшился, и можно было выйти.

Скоро отряд оказался на поверхности, которая приняла их весьма дружелюбно, ещё не совсем позабыв, что такое жизнь. Ни извержений, ни диких зверей – ничего. Опасность, казалось, не грозила им.

Людей было пять, но один явно выбивался из команды, и не только электрические наручники свидетельствовали об этом. Его манера держаться говорила о том, что для него это суший пустяк. Кислородная маска скрывала его лицо, но отчего-то казалось, что от его взгляда ничего не ускользало, даже мелкие детали окружающего мира.

Один из команды дернул за цепь, что была присоединена к наручникам преступника, и это отвлекло его от дальнейшего наблюдения за новой для него средой. Не обратив никакого внимания на бурчание прикованного, конвоир передал цепь другому, который как раз разговаривал по громкой связи:

– Капитан, мы на поверхности. Колебаний и видимых трещин в коре не наблюдается. Живых организмов пока не найдено, – доложил мужчина.

– Отлично, Акин. Постарайтесь не задерживаться на планете. Предугадать новое землетрясение очень сложно. Я смогу вас предупредить только за полчаса до катаклизма. Вы меня поняли, Акин?

– Да, капитан. До связи.

Мужчина, которого называли Акиным, отключил связь и оглядел то, что предстало перед ним. Трое людей, всецело доверяющие ему, и один преступник, из-за которого им пришлось сменить курс и подвергать свои жизни опасности. Он не может подводить своих товарищей, потому он возьмёт на себя приговоренного.

– Итак, я отведу его подальше от корабля, а вы возьмите пробы. Неизвестно, сможем ли мы ещё когда-нибудь здесь высадиться. Далеко не разбредаться и быть в зоне видимости друг друга. Всем всё ясно?

Команда молча кивнула и рассредоточилась. А тем временем Акин подпихнул преступника и повёл его подальше от места высадки. Достав планшет, мужчина запустил программу поиска разрушенных построек. Им было известно, что некогда здесь жила поистине великая цивилизация и её следы должны были ещё остаться на планете.

– Ближайшие скопления не природного типа обнаружены в пятнадцати минутах к северу от данного положения. Предположительно, это был город.

Акин быстро проглядел результаты и отчего-то странно посмотрел на путь, который им двоим предстояло пройти. Мужчину что-то беспокоило, и этим чем-то была далеко не планета. Было кое-что ещё.

– Значит, ты – исполнитель решения суда, – хрипло возвестил преступник.

– Да. И ты это знаешь, – сурово возвестил конвоир, ускорив шаг.

– А ты знаешь, за что меня осудили?

Акин резко остановился и посмотрел на преступника, каким он его считал, но был ли тот таковым? Мужчина пытался одним взглядом вызвать все тайны из приговорённого, хотя и знал, что это невозможно. Это только пустые разговоры, которые ни к чему не приведут, а только отвлекут от главного.

– Нет. Да меня это нисколько и не заботит.

– Ха, понимаю. Служба, да и кто я такой, чтобы со мной разговаривать как с человеком, – Последнее слово преступник почти выплюнул.

Акин вспомнил дело мужчины, которое он видел мельком, когда капитан что-то оттуда помечал себе в журнал, и была там одна нестыковка. Происхождение его было весьма туманно и в досье не было отмечено место рождения этого странного человека. Конвоир только мотнул головой и решил сосредоточиться на том, что его окружает. Дорога, по которой они шли, была весьма сносной, но иногда приходилось перепрыгивать большие щели, которые образовались после землетрясения. Иногда, рядом пролетали беспокойные птицы, которые не напоминали таковых. Перья сползали с них, будто кто-то неудачно приклеил их к птице, а теперь те стали медленно отваливаться. Конвоира это совсем не радовало, а преступника рядом с ним, казалось, даже расстроило.

Обломки под ногами смутно напоминали часть домов, а некоторые напоминали останки ранее здесь живущих. Акин перешагивал через всё это и тянул периодически за цепь преступника, который иногда

притормаживал. Конвоир быстро и мягко ступал, но тут он чуть не споткнулся из-за того, что заметил в обломках маленькую детскую игрушку. «Боже, видимо, не спасся никто. Даже дети», – с ужасом подумал мужчина и невольно вспомнил свою маленькую дочурку, которая ждала его дома.

Решив, что конвоир отвлекся, преступник попытался бежать. Акин быстро дернул за цепь, присоединённую к оковам, и неудавшийся беглец распластался на земле. Лицом он уткнулся в какой-то мусор и обнаружил что-то блестящее.

– Поднимайся, – строго приказал Акин.

– Ну, где же твоё милосердие. Я голоден, сил нет, а ты меня ещё на землю повалил, – гнусавил преступник и, пока мужчина не видел, схватил ртом обнаруженную вещь. Это была небольшая монетка, которая переливалась на свету и была явно знакома приговорённому.

– Поднимайся, – повторил конвоир, но в этот раз он пнул его ногой, и беглецу пришлось поторопиться исполнить приказ.

Акин понимал, что это будет не последней попыткой преступника, но его главными задачами всё равно оставались исполнение решения суда и защита товарищей. Скоро стали появляться отдельные мелкие постройки, которые раньше, возможно, были гораздо больше. Кругом всё было в разрухе, под ногами лежал различный мусор и остатки пребывания чего-то живого, обладающего разумом. На фоне этого катаклизма то, что Акин ведёт человека на смерть, казалось незначительным. Смерть себе подобного незначительна. Кто бы мог подумать.

Пройдя ещё минут пять, он заметил здание похожее на бункер, и выделялся он тем, что он был почти не тронут катаклизмами в отличие от всего окружающего. Преступник чуть дёрнулся к постройке, но Акин сразу же прервал попытку бегства и связался с одним из их команды:

– Афанасьев, ты занят?

– Я уже почти закончил со взятием образцов, – доложил по связи низкий голос.

– Хорошо. Жду тебя по этим координатам, сейчас я тебе их вышлю. Я обнаружил нетронутое здание, которое вызывает некий интерес.

– Здесь? Серьёзно? – послышался взволнованный голос Афанасьева.

– Да. И поторопитесь. Неизвестно, сколько ещё у нас есть времени на всё это, – спокойно проговорил конвоир, присматривая за приговорённым, который стал подозрительно тих и спокоен.

– Есть.

Мужчина повернулся к преступнику и внимательно посмотрел на него. Из-за этого уroda он и его команда рискует жизнями и только потому, что суд приговорил его к смертной казни. Как же он не любил принимать на корабль всяких ублюдков, но так требовал закон, а он не смел перечить. И теперь снова приходится всячески защищать своих товарищей, даже если придётся рисковать собственной жизнью.

– Вот он – результат угасания великой цивилизации. Я почти за честь угаснуть в этих руинах, – с ноткой грусти произнес приговорённый.

– Любой другой на твоём месте боялся бы смерти, – холодно произнёс Акин, желая побыстрее закончить этот бессмысленный разговор.

– Будто вернулся домой...

– Что значит... – конвоир не успел договорить, так как что-то привлекло его внимание.

Акин больше не мог ничего ни спросить, ни узнать, так как силуэт на юге стал оформляться и приобретать черты человека. К ним спешил Афанасьев. Что-то в его виде напрягло мужчину, поэтому он побежал к нему на встречу, потянув за собой преступника, не заботясь о его удобстве.

Предчувствие не обмануло, так как подчиненный что-то усиленно жестикулировал и яростно кричал. Ветер уносил его выкрики, а Акин ускорился, насколько это было возможно. Хотя интуитивно мужчина уже предполагал, что хотел сказать Афанасьев.

– Вячеслав, кидай его здесь и бежим. Через полчаса начнется такой хаос...

– Что случилось? Капитан о чём-то сообщил? – прокричал Акин, так как ветер только поднимался и нужны были невероятные усилия, чтобы товарищ услышал его.

– Да. Ты что не слышал? Он всех по связи предупредил.

– Твою мать. Быть не может... Мне ничего не сообщили.

– Плевать. Торопись.

Афанасьев уже был совсем рядом, как беглец решил испытать судьбу и рванул цепи на себя. Акин не устоял и упал в ближайшую кучу мусора. Преступник ударил его в челюсть, что сразу же отозвалось болью

в ослабевшей руке. Не дожидаясь следующего удара, поверженный отполз немного влево и стукнул противника ногой в солнечное сплетение. Послышалось, как тот закашлялся и, воспользовавшись некоторой передышкой, мужчина крикнул:

– Афанасьев, беги. Черт возьми, не спорь. Я догоню, – быстро отсоединив цепь, с которой он был связан с беглецом, Акин вскочил на ноги.

Просто бежать не имело смысла, ведь всегда можно ожидать удар в спину. Потому бывший конвоир встал в оборонительную стойку, приготовившись к нападению. И оно не заставило себя долго ждать. Приговорённый выбросил вперёд правую руку, но в последний момент атаковал левой. Акин успешно блокировал обманный маневр и нанёс свой удар в районе горла. Противник пошатнулся, но сдаваться не хотел. Он обошёл Акина слева и атаковал ногой в колено, но неудачно. В итоге он уже лежал на земле без сил и, еле дыша, видел, как его оставляют одного на этой мертвой планете.

– Чёрт подери, – прошептал преступник, всё ещё судорожно дыша.

И тут он вспомнил о монетке. Достав её из-за щеки, мужчина встал и, сжимая её в руке, пошёл к бункеру. Это было единственным местом, которое могло дать шанс на выживание. Дверь была в пыли, и приговорённый быстро стал избавляться от неё. Там была выемка по размерам похожая на монетку, которая была у него в руке, но он и так это знал. Её он и искал. Послышался шум, и обернувшись, мужчина увидел, как взлетает корабль, который сюда его и доставил.

– Да, больше некуда отступать.

Монетка поместилась в выемку, и дверь распахнулась. Спасение. Неужели это непустая надежда? Преступник зашел во тьму, а проход за ним успешно закрылась. Бух. Кромешная тьма. Нашупав на стене выключатель, мужчина поспешно нажал на него, и свет озарил помещение. Скелеты, повсюду скелеты. Маленькие и большие, с плотью и без.

– Господи, куда же я попал? – прошептал он, и в его голосе закрался страх. – Этого не должно было быть. Не должно было произойти.

Под ногами хрустели кости, а приговорённый шёл дальше в надежде спасти свою жизнь. Но каждый шаг отдавался не только громким гулом в помещении, но и жутким страхом и сожалением в сердце мужчины.

– Аааргх.

Он сорвался на бег.

– АААРГХ!!!

Не разбирая дороги и иногда спотыкаясь, он просто бежал вперёд.

– Я тееебя вииниижу...

«Дверь, открытая дверь», – забилося спасительной мыслью в голове мужчины, побуждая его бежать дальше и быстрее. Преступник забежал туда и закрыл единственный выход. Тяжело дыша, он прислонился спиной к двери. Мужчина не знал силы чудовища, издающего такие звуки, хотя приблизительно мог оценить, что будет, если оно доберется до него. Бах. Бах. БАХ. Звук становился громче и ближе. Тишина. Шагов не слышно, да вообще ничего не слышно кроме тяжелого дыхания приговорённого, который осознал свою участь. Он отошел от двери и задом пошёл к противоположной стене.

Громкий скрежет металла, и дверь уже весит на петлях. Чудовище вышло на слабый свет от одинокой лампочки в комнате.

– Нет. Этого не может быть. Мой народ спрятался от вас... убежал...

– Все так думали, но это не так. Шшш... оглянись! ОГЛЯНИСЬ!!! Все они мертвы... и ты последний. Единственный выживший.

– Я... я – мужчина врезался спиной в стену. – Это была случайность. Они сами спасли мою жизнь, отправив ребенком подальше отсюда.

– И теперь ты здесь... их попытки были тщетны... и все они погибли зрячая, – безжалостно говорило чудовище.

– Глупец, какой же я глупец, – сказал мужчина, понимая, что только его преступная жизнь загубила последнюю надежду его народа...

– ГЛУУУПЕЦ, – повторило существо, шипя, как змея. – Глууупец!!!

... надежду его народа выжить.

СЕНТЯБРЬ

*Сентябрь горит**Убийца плачет**Но он не смог поступить иначе**Прольется кровь...*

Жизнь несправедлива? Кто знает, но именно так сейчас думал парень, стоящий у могилы своей младшей сестрёнки. Почему она? За что ей это? Слёзы катились по щекам, а плечи дрожали, но совсем не от холода. Это была осень. Сентябрь. Листья с деревьев уже начинали падать и устилать землю своими разными красками. Сейчас же из-за пелены слёз и горя парень не замечал этой красоты. Только горькие воспоминания мучили его.

– Паша, гляди. Сколько я листьев собрала. Как думаешь, маме понравится такой букет? – спросила маленькая курносая девочка.

– Конечно. Мама всегда рада твоим подаркам, ты же всегда делаешь с душой и улыбкой на лице, – весело ответил брат.

– Пашка, я хочу на ручки. Подними меня.

– Избаловал я тебя, – привычно пробурчал без злости он. – Ну, иди ко мне.

Девочка с радостным визгом взлетела в крепких руках братишки, а Паша стал кружить её, не заботясь о том, что букет в руках малышки может развалиться.

Паша не мог отойти от могилы, в которой теперь лежала любимая сестренка. Эмоции от воспоминаний обострились, он упал на колени и закрыл лицо руками. Отчаяние. Как теперь жить? Он остался один в этом мире, он не видел света в этой непроглядной тьме.

– Римма, почему ты меня бросила? Знаю, твоей вины здесь нет, но... Но ты должна была жить. Ты не должна была уйти так рано, – кричал парень.

Эмоции впервые не поддавались контролю, он рвал землю. Пальцы были содраны в кровь, но боль не чувствовалась, будто всё это было сном. Каким-то глупым сном, и сейчас ты проснёшься, а маленькое личико склонилось над тобой, и тревога читалась в её больших детских глазах. Рука тянется к этому ангельскому личику, но вот оно подёрнулось дымкой света и испаряется, будто и не было его.

Разочарованный вздох, и Ваня уже сидит на кровати. Как он добрался вчера домой было для него загадкой, которую, наверно, он никогда не разгадает. Шаркая по полу, парень прошёл на кухню, а шаги в пустой квартире отдавались гулким шумом.

Шарк.

Шарк.

Шарк.

Никогда ещё здесь не было так тихо. Каждый шаг отдавался болью в груди и нехваткой чего-то важного в его душе. Часть души потеряна навсегда, и её больше не вернуть, как в тот вечер.

– Паша, где мама? – спрашивала уже, наверно, в десятый раз за сегодня девочка.

– Мама больше не придёт.

– Почему? Она нас больше не любит?

– Нет, малышка. Просто она ушла туда, откуда не возвращаются, – ласково прошептал парень, обнимая сестренку.

– К ангелам? Да?

– Конечно, Римма. Мама там самая прекрасная. В белом одеянии и с белоснежными крыльями за спиной...

– Паш, расскажи мне ещё. Какая мама, там, – с детской невинностью в голосе попросила девчушка.

– Хорошо.

Под такие рассказы Римма заснула на его руках, а сам парень думал о том, что делать дальше и как жить. Он уже был студентом, поэтому мог пойти работать, но учёбу забрасывать не хотелось, а от этого кошки скреблись на душе. Взглянув на мирное личико спящей сестры, Паша решил, что «утро вечера мудренее», так что подумать он сможет и завтра. Тем более у него есть кто-то, кто нуждается в нём, а это придавало какой-то смысл его жизни.

Парень налил себе молока из пакета и поежился, так как он выскочил в одной майке и трусах. «Мда, так можно и заболеть, хотя плевать», – подумалось Паше. Выпив белую жидкость, не почувствовав вкуса, он посмотрел на время и понял, что пора на заседание. Надеюсь, что преступник получит заслуженное наказание. Только эта вера спасала его от странных мыслей, закончить свою брентную жизнь. И вот напялив строгий костюм, который за короткое время стал ему ненавистен, парень вышел из дома.

– Из-за недостаточного количества улики, подозреваемый освобождается из-под стражи.

– Как? Улики чётко говорят, что это сделал он, – закричал Паша. – Вы все тут ослепли что ли?

– Истец, успокойтесь. Мы понимаем, что у вас горе, но этот человек не виновен.

– Да, что вы можете понимать. Взятчики и ублюдки. Он УБИЛ мою сестру. Её больше нет, и всё из-за этого мерзавца. Вы не можете просто отпустить его. Есть свидетели, улики и ... – Отчаяние сквозило в его голосе, а в душе нарастала ярость.

Он был готов порвать всех этих ублюдков, а когда этот убийца ещё и улыбнулся ему, последние крючки самоконтроля сорвались и парень метнулся к преступнику, успев всё же дать ему в глаз. Его оттянули и вышвырнули, как нашкодившего ребёнка на улицу. Гнев и обида сжигали всё хорошее, что теплилось в его сердце. «Я это так не оставлю. Я добьюсь справедливости», – подумал он, сжимая кулаки.

Прошло три месяца, а боль утраты никак не проходила. Время лечит. Туфта всё это, ни капельки оно не лечит, только больнее становится от того, что когда-то всё было по-иному. Было веселье в доме, мама, сестра, а теперь... Что теперь? Ничего этого нет, и он один в этом мире. Прекрасно, теперь его ничего не держит, и он может сделать то, о чём так долго грезил.

Расписание убийцы Паша знал, как свои пять пальцев, и сейчас он шёл в бар. Он знал, что выходить мужчина будет через чёрный вход один. То, что нужно. Свершится месть и правосудие в одном лице. Под курткой находился нож, который охлаждал его кожу, но это нисколько не волновало его.

– Павел, у меня для вас не очень хорошие новости, – произнёс врач. – У вас обнаружен рак головного мозга, и опухоль уже не поддаётся операционному вмешательству. Вы понимаете, к чему я клоню?

– Да. Сколько мне осталось? – спокойно спросил парень.

– Полгода, максимум год.

– Спасибо. Я могу идти?

– Постойте. А как же ваши родные? Вы расскажете им?

– Нет, – грустно улыбнувшись, ответил Павел. – У меня никого нет.

Врач проводил взглядом потерянную душу, но это было не совсем так. Парень обрёл кое-что важное – разрешение на месть. Ему больше нечего терять, даже его жизнь теперь больше не важна. Ха, он скоро умрёт, тогда нужно провести оставшееся время с пользой...

Парень шёл с твёрдой решимостью, он знал, что он будет делать. Придя в нужное место, Павел достал нож и стал ждать теперь уже жертву. Вот дверь открылась, и мужчина вышел в свет от фонаря. Улыбка на его лице бесила парня: как он может улыбаться после того, что сделал? Ублюдок. Миг и он стоял перед преступником, а затем нож вонзился в плоть человека.

Тот лишь хрипнул, а когда он попытался что-то сказать, только бульканье и было слышно. Кровь лилась из его безобразного рта, а Паша всё держал рукоятку орудия и всё глубже и глубже вонзал в плоть. Последний вздох сорвался с губ, и только тогда парень достал нож. Выкинув улику в мусорный бак, он стянул перчатки, которые оказались в крови, и сложил их в карман куртки. Дома он положил перчатки в стиральную машинку, и только затем он почувствовал жгучую ярость.

Книжные полки были сорваны, всё валялось на полу. Вспышка ярости, которая сотворила такой беспорядок, уже прошла, а на её место пришло отчаяние. Он не хотел становиться убийцей, но так случилось. Павел задрожал, а слёзы не хотели покидать свое убежище. Парень понял, что уже не может больше выжать из себя слёзы. Это предел.

– Ты понимаешь, что ты – главный подозреваемый в этом деле? – спрашивала женщина, сидящая за столом в допросной.

– Мне наплевать.

– Почему? Если ты не виноват, тебя могут посадить, а это не справедливо.

– Наплевать. Я всё равно скоро умру. Я даже не доживу до конца расследования, – спокойно сказал он.

– Что? Такого не может быть, ты ещё так молод, Павел. У тебя ещё все впереди.

– Вряд ли. Рак убивает, и я чувствую это, так что мне больше нечего терять в этой жизни.

– Скажи мне только одно: это ты убил... – Она не успела договорить, как Паша перебил её.

– А что вам это даст? Даже если это я, то что? Я получу заслуженное мной наказание, я скоро умру.

– Так это ты?

– Всё. Я больше ничего не скажу, и это моё право. Уходите.

Позже женщина приходила ещё несколько раз, но ответ был таким же, а затем пришёл день суда. Теперь Павел сидел на месте убийцы. Да, теперь это его место. Разговоры, лица... Только теперь все это через прутья решётки, за которой он оказался. Прекрасно, всё, как и было задумано. Боль в голове возвестила о том, что всё будет, как он планировал. Наконец судья обратился к обвиняемому, но тот даже не шевельнулся. На его лице застыла улыбка, а грудная клетка больше не вздымалась.

Люди бегали и кричали, но всего этого он уже не видел. Он умер, и, наконец, его страдания были завершены. Мсть и наказание за неё определил сам Господь, а это и есть лучшее решение.

Сентябрь. Круговорот природы. Как бы не казалось, что мир иной, всегда будет осень после лета, а перед ними – весна, после них – зима. Женщина, что когда-то допрашивала юного преступника сейчас стояла, на том самом месте, что и Павел год назад. Кладбище, только теперь рядом с могилой сестры покоился её брат. На лице женщины читалась грусть, она положила цветы каждому из детей. Могила их матери она не увидела, да теперь это было уже не так важно. Она бы спросила у Павла, но он уже не сможет ответить. Как жаль, чёрт возьми, что эти дети так и не прожили длинную насыщенную жизнь. Им пришлось столкнуться с жестокостью мира, но они продолжали жить, пока не случилось то, что случилось.

– Интересно, я могла хоть чем-нибудь помочь? Что если бы я встретила их раньше? Может быть, всё было бы по-другому?

Тишина была ей ответом, а затем её взгляд устремился на опавшие листья. Приznak осени, так любимой Пушкиным. Такая красота соседствует с таким горем...

Сентябрь горит

Убийца плачет

Но он не смог поступить иначе

Прольётся кровь, а листья расскажут

Как он умрет

Как он умрет

ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦА

NICKOLAS KOSTUROS

FIRST SNOWFALL IN POLATSK

Awakening to a changed atmosphere,
Lighter, brighter, and more radiant.
A new day.

Peering outside the window,
White dust beats upon patchwork of rooftops.
Could it be?

Dressing quickly and warmly,
Running down the stairs, through the door.
Stop.

Bursting bits of cold on one cheek,
Frozen needles sting the head.
Ice.

Dancing reflections of light,
Fresh powder falling to the ground,
Snow.

Enveloping the square like a blanket,
A transformed landscape.
First snowfall.

ARRIVAL IN POLATSK

Arriving in Polatsk during late September, I was immediately struck by the town's natural beauty, calm atmosphere, and deep sense of history. I fondly remember my first drive down the center street, watching couples pushing strollers and children laughing and playing in the street. This scene gave me a warm, welcoming sensation when I first entered the main area of the town. Polatsk would be my new home for the next nine months. It was a time for exploring.

A distinct feature of Polatsk is its profound sense of natural and historical beauty. It is possible to hear the tranquil sounds of nature when walking along Nizhny Pakrovskaya by the Dvina River, the sound of wind blowing across the river bank and birds chirping on tree branches. These pleasant features are mostly absent in my native city of San Francisco, where sounds of nature are eclipsed by the man-made noise of a large city. Soaking in all of these natural sites while walking along the Dvina, I climbed the narrow side streets to the main square. Standing in the middle of this open space, I could not believe I was located in the heart of Belarus's cultural gem. Monuments referring back to more ancient times reminded me of the town's rich history, events spanning one thousand years which shaped Polatsk's modern identity. I knew there was much to be discovered here.

Polatsk State University sits just beyond the square, located around the bend like a secret waiting to be revealed. Upon walking through the front gate, I felt a unique vibe. The renovated buildings and historical features beckon the observer to enter and explore. Symbols of the past and the future decorate the campus, and energy abounds as students bustle to and from classes. This intellectual enclave holds the promise of Polatsk's future, and it was an honor for me to be a part of something so great.

Walking past the university, I reached Polatsk's signature historical site: St. Sophia's Cathedral. This towering structure sits majestically on the top of the hill. While approaching this historical treasure, my mind pondered the history of people who lived in Polatsk during its first days, the passing of time, exchanges of ideas and goods, and the inevitable shedding of blood. Reaching the edge of the hill overlooking the river, I viewed Polatsk from a new angle. It was dusk by this time, and the sun playfully danced on the still water of the Dvina while setting behind the woods across the river. Little whiffs of smoke emerged from houses in Marinenka as families gathered together after a day's work. As the sun disappeared from view on my first day in Polatsk, I felt at peace in my second home.

ALMUTH MÜLLER

BEGEGNUNGEN MIT POLOZK

Meine erste Begegnung mit der reizenden Stadt an der Westlichen Dvina hatte ich im Jahre 2009. Damals war ich noch Studentin der Slawistik an der Leipziger Universität. Jährlich organisierte unser Institut einen vierwöchigen Russisch- und Belarussischkurs an der BGU in Minsk, zu dem ich mich im besagten Jahr anmeldete. Bis dahin hatte ich keinerlei Berührung mit Belarus gehabt, wohingegen ich in Russland zu diesem Zeitpunkt schon mehrmals war. Nur vage konnte ich mir eine Vorstellung von diesem Land zwischen Polen und Russland machen. In meinem Studium lernte ich zwar – wenn auch nur aus sprachwissenschaftlicher Sicht – die belarussische Sprache; außerdem waren Veranstaltungen zur osteuropäischen Geschichte Teil meines Studiums. Nichtsdestotrotz blieb mir dieses Land weitgehend eine *terra incognita*, weswegen ich mit großer Neugier im März 2009 nach Minsk fuhr. Schon allein die Zugreise nach Belarus mit der langen Kontrollprozedur und dem Umspuren des Zuges war ein Exotikum an sich – kamen doch eigentlich Grenzen im Europa des 21. Jahrhunderts, zumindest in meinem Erleben, nicht mehr vor.

Der März 2009 war ein kalter Monat. Wir waren in einem Wohnheim am Svisloch untergebracht, direkt gegenüber einer Wodkafabrik. Dies sollte sich noch im Laufe des Aufenthalts als sehr hilfreich erweisen – machten doch auch wir vom Fabrikverkauf dieses nicht zu unterschätzenden Getränks Gebrauch, um uns in langen, kalten Nächten am Ufer des Flusses mit einer Flasche des klaren Wässerchens zu wärmen. Und dies nicht freiwillig, sondern notgedrungen: war doch der Genuss von Wodka im Wohnheim verboten.

An den freien Wochenenden fuhren wir aus der Hauptstadt in andere belarussische Städte wie Brest, Grodno und Vitebsk. Auf diese Art und Weise kam ich zum ersten Mal auch nach Polozk. Es machte auf mich einen verschlafenen und stillen Eindruck. Die Stadt empfing uns mit einem eisigen Wind und Schneeregen. Große Lust, ausdehnend spazieren zu gehen, hatten wir nicht, sondern wir suchten schnell ein Café auf, um eine stärkende Suppe und einen wärmenden Tee zu genießen. Den obligatorischen Besuch im Museum für Buchdruck und in der Sophienkathedrale leisteten wir allerdings ab. Auf dem Rückweg zum Bahnhof kamen wir noch am Denkmal für den belarussischen Buchstaben *ŷ* vorbei, das mich sehr beeindruckte. Die Idee, ein Denkmal für einen Buchstaben zu errichten, fand ich als angehende Philologin als besonders innovativ und originell. Seitdem lässt mich der Gedanke nicht mehr als, ein solches Denkmal auch im deutschsprachigen Raum für die Umlaute *ä*, *ö*, und *ü* zu errichten...

Im Laufe der nächsten Jahre beendete ich mein Studium, sammelte an diversen Orten in Deutschland und im Ausland erste Arbeitserfahrungen und hatte weiter keinen Kontakt mit Belarus, das mir zwar nicht mehr sehr fremd war, zu dem ich allerdings auch in den vier Wochen keine besondere Beziehung aufgebaut hatte.

Das sollte sich ändern. 2012 bewarb ich mich als Sprachassistentin beim DAAD – eigentlich für eine Stelle im tiefen Sibirien. Diese allerdings bekam ein anderer. Der DAAD hatte für mich die Stelle an der Puschkin-Universität in Brest vorgesehen. Ich muss zugeben, dass ich mit dieser Entscheidung haderte. Zum einen ging mein Traum, in Sibirien zu arbeiten, nicht in Erfüllung. Zum anderen wusste ich, dass die Stelle in Brest sehr anspruchsvoll war und ich nicht von einem Lektor, was sonst der Fall ist, betreut werden würde. Das Jahr in Brest erwies sich jedoch als ein sehr schönes, erfahrungsreiches und vor allem entscheidendes für meinen weiteren Lebenslauf. Die Arbeit mit den Studierenden gefiel mir so gut, dass ich mich entschloss, mich für ein DAAD-Lektorat zu bewerben. In Belarus hatte ich mich ebenfalls verliebt – die Menschen erschienen mir als sehr aufgeschlossen und offen. Außerdem mochte ich die kleineren Städte und die Umgebung von Brest sehr. Und als sehr positiv empfand ich die Zusammenarbeit mit den anderen Kollegen vom DAAD. Durch die relativ geringen Entfernungen in Belarus führten wir viele Projekte in ganz Belarus gemeinsam durch und auf diese Art und Weise lernte ich das Land immer besser kennen.

Leider wusste ich aber auch, dass ich als DAAD-Lektorin keine Stelle in Belarus bekommen würde, da zu diesem Zeitpunkt nichts ausgeschrieben war. Also kam ich nach Jaroslawl nordöstlich von Moskau. Dort sollte ich

allerdings nicht lange bleiben. Aus diversen Gründen konnte ich nach zwei Jahren einen Antrag auf Versetzung stellen und durfte sogar einen Wunschort angeben. Durch eine wunderbare Fügung war das Lektorat in Polozk vakant und ohne lange zu überlegen, äußerte ich beim DAAD den Wunsch, wieder in mein geliebtes Belarus zurückkehren zu wollen. In Russland fehlte mit der enge Kontakt mit den Kollegen, außerdem war dort alles größer, anonymer und aufwändiger.

Der DAAD kam meinem Wunsch nach und schließlich konnte ich im Sommer 2014 von der Wolga an die Dvina umziehen und fühlte mich hier sofort sehr wohl. Die Stadt ist der Inbegriff der Gemütlichkeit für mich, was doch für Deutsche sehr wichtig ist. Sie fließt still und ruhig dahin, wie auch der Fluss, an dem sie liegt. Zu jeder Jahreszeit erfreue ich mich an den Kastanien des Franzisk-Skaryna-Prospekts, allzu gern gehe ich in der ganzen Stadt spazieren. Meine Kolleginnen betrachten mich mittlerweile als die ihre – ich fühle mich überhaupt nicht fremd, sondern herzlich auf- und angenommen. Auch die Studierenden habe ich ins Herz geschlossen. Polozk ist für mich zu einer zweiten Heimat geworden. Und die Begeisterung für Belarus, die manch deutscher Fan dieses Landes hat, kann ich hundertprozentig nachvollziehen. Ich schätze die Herzlichkeit und Offenheit der Belarussen und bin immer wieder fasziniert davon, wie sie uns Deutschen begegnen ob des vielen Leides, das doch von unseren Vorfahren über dieses Land gebracht wurde. Ich habe das Gefühl, dass ich jeden Tag neue Seiten dieses Landes entdecke und es mir nie langweilig wird. Was bin ich froh, dass ich dieses Land – und das durchaus auch unfreiwillig – kennen- und lieben gelernt habe!

Vor kurzem fiel mir eine Fotografie von 2009 in die Hände – sie zeigt mich dick eingepackt im Schneegestöber vor dem Denkmal des Buchstaben Ў in Polozk. Nicht im Traum wäre mir damals eingefallen, dass ich einmal in dieser Stadt leben und arbeiten werde!

Januar 2016

СВЕТЛАНА АГЕЕВА

МОЯ ГЕРМАНИЯ

2002 год. Мне 5 лет.

Всей семьёй, взявшись за руки, мы идём по родному посёлку, и мама рассказывает мне историю самого красивого здания на Россонщине.

Конец восемнадцатого века. Молодой пан Глазко, живший в этом краю, влюбился в немецкую панночку. Она капризничала, никак не соглашалась выйти замуж за какого-то шляхтича из неведомой стороны. Потом, сменив гнев на милость, сказала, что выйдет за него только при условии, что он построит для неё дом в сто окон, такой, как у её отца. И пан с энтузиазмом взялся за работу: кирпичи выписал из-за границы, велел каждый кирпичик завернуть в бумагу, нанял архитекторов-мастеров и построил усадебный дом на берегу озера, в готическом стиле, со множеством стрельчатых окон разной величины, гранеными башенками, арками... Чтобы ещё больше угодить любимой, у дома выкопал пруд, поставил беседку посередине, спустил на воду прогулочные лодочки. На огромной территории вдоль берега озера рядом с домом заложил яблоневый сад.

Тогда впервые я услышала название незнакомой страны. В моём сознании Германия приобрела образ сказочного государства с прекрасными замками и красивыми панночками.

9 мая 2003 года. Мне 6 лет.

Я возлагаю цветы к памятнику расстрелянных в годы Великой Отечественной войны мирных жителей. Дедушка рассказывает об ужасах того времени.

– В центре посёлка стояли виселицы, зверствовали полицаи... Грабежи, допросы, расстрелы... Голод, пожары, смерть...

Так я узнала о фашистской Германии. В моей воображаемой сказочной стране поселился айсберг зла.

2004 год. Мне 7 лет.

На встречу со школьниками приглашена Рыжова Вера Трофимовна. Она – бывшая узница концлагеря, говорит о том, что Германия признала свои ошибки, публично извинилась за преступления фашизма и организовала фонд взаимопонимания и примирения.

Айсберг зла в моей сказочной стране растаял.

2005 год. Мне 8 лет.

Моя первая учительница немецкого языка рассказывает о менталитете жителей Германии: деловитые, честные, чистоплотные, бережливые, прилежные люди.

И образ страны становится более реальным.

2006 год. Мне 9 лет.

С помощью интернета шаг за шагом я расширяю свои знания о Германии. Памятники архитектуры, традиции, картины природы восхищают меня.

2011-2014 годы.

Усиленные занятия, конкурсы, олимпиады, поступление в университет... Всё это лишь тропинки, ведущие по маршруту осуществления моей мечты – узнать о Германии как можно больше.

2015 год.

Я изучаю немецкий язык – язык Гёте, Шиллера... Появляется желание хоть раз побывать в стране великих поэтов.

2016 год...

Возможно, моя мечта осуществится, и Германия для меня приобретёт реальные очертания.

АЛЁНА ШАРАН

ИГРА В АССОЦИИ

Вбив в поисковую строку «Google» «Германия ассоциации», первыми словами, которые мне выдал поисковик были Гитлер, Пруссия, пиво, фашизм, стена и Берлин. Наряду с ними стояли также капут, Кант, аккуратность, Меркель, порнография, автобан, Гёте, качество и шоссе. Неужели такая Германия осталась в памяти миллионов людей? Спросив друзей, что у них ассоциируется с Германией, получила неоднозначные ответы. Но на первом месте оказался всё тот же Гитлер с пивом, но к нему добавились еще и колбаски, марки немецких автомобилей, Октоберфест, названия известных канцтоваров, футбол и все те же эротические фильмы. Типичные ассоциации тех, кто никогда не был в Германии и не видел её изнутри. Мне повезло больше. Я знаю Германию, не только по собственному опыту, но и из рассказов моих близких.

Почему-то самым главным воспоминанием моей бабушки о Германии, в которую они с семьей попали в качестве военнопленных, остались совсем не Гитлер и не принудительные работы, а розы, которые один немец всегда очень аккуратно срезал ножницами. Вот представьте, война, сотни людей погибают ежедневно, ты даже не знаешь, что будет завтра, но цветы на клумбах не просто срывались, а бережно срезались. Как говорится, русским не понять. А ещё она всегда вспоминала только добрых немцев, которые лечили их, приносили им хлеб и ставили памятники на русские могилы.

Ассоциации моего отца разительно отличаются. Ему довелось служить в Германии, ещё во времена ГДР, во Франкфурте-на-Одре, Галле и Лейпциге. Для него Германия всегда будет ассоциироваться с идеально чистыми улицами, асфальт которых мылся специальным шампунем, свежие булочки, цена которых падала вдвое, как только приближался обед, живописные ландшафты, старинная архитектура и почему-то молоко. Дело в том, что когда утром перед открытием магазинов в них завозили свежее молоко, то водитель выставлял его прямо у дверей и спокойно уезжал, оставив молоко одно-одинёшенько на несколько часов. Невероятно, но до прихода продавца оно так и стояло нетронутым, потому что никому бы и в голову не пришло украсть его. Как говорится, русским не понять.

В попытках всё же понять эту страну и её народ мне довелось побывать на севере и на юге. С одной стороны такие похожие, но всё же совершенно разные для меня. Моя первая ассоциация с Германией – свобода. Там ты можешь носить и делать всё, что твоей душе угодно, не боясь почувствовать на себе осуждающие взгляды окружающих.

Каюсь, я большая сладкоежка... и бац, моментально в памяти всплывают шоколад, вволю сдобренный марципаном, вафли, глазированные торты, мармелад, а ещё картофельный салат со шницелем, каррибургер,

слишком острые чипсы, от которых мне было плохо, и турецкие закусовые с их огромными донер-кебабами. Зачастую ностальгирую по медленным неспешным завтракам с брецелями, паштетом, мюсли и кофе, на которых обсуждаются всевозможные темы, начиная от пустой болтовни и заканчивая такими серьёзными словами для немцев, как спорт и политика. Германия для меня это громадный аэропорт во Франкфурте-на-Майне, в котором годовой пассажирооборот практически равен количеству населения Италии, нам, кстати, пришлось там заночевать из-за отмены рейса.

О моей большой любви скажу одно: Берлин – не Берлин без медведей, стоящих на каждом углу во всевозможных костюмах. А вы знали примету про берлинские ворота? Если вы в городе впервые, то просто обязаны пройти под ними и загадать желание. Говорят, что оно обязательно сбудется. Какое я загадала, догадаться, думаю, не составит труда. Но говорить не буду, примета плохая.

ВИТАЛИНА ТРОФИМЧУК

ДНЕВНИКИ ИЗ ГЕРМАНИИ

О свершившейся мечте – поехать в Германию. 21.08.2015.

Жизнь не изменится, если сидеть и ждать, что в одно прекрасное мгновение на твою голову упадёт небесное провидение. Но стоит сделать маленький шаг вперёд – понимаешь, что всё возможно. И сейчас, купаясь в гордой необычайности и уже лёгком приятном обыкновении своей свершившейся мечты, я понимаю, что для всего необходимо великое терпение, сила и смелость. Не следует сдаваться на протяжении всего пути. Многие, кто уже находится у финиша, опускают руки, твёрдо уверенные в том, что победа уже и так лежит у них в кармане. В этом и заключается великая ошибка. Человек, взбирающийся на гору, так и не достигнет вершины, если вдруг разуверится в своей силе (или наоборот возомнит себя всемогущим) и остановится. Ещё один страшный враг – страх. Я не верила в утверждение, что, когда мечта подходит к тебе совсем близко, становится невыносимо страшно и хочется бежать от нее без оглядки, а потом спрятаться в невидимый уголок и ютиться в своих привычных мыслях. Но со мной случилось всё точно так же. И как объяснить это явление? Я не могу сказать, что после осуществления мечты уже не знаешь, зачем тебе жить дальше, ведь появляются новые. У меня есть многие прекрасные мечты, которые с нетерпением жадуют своего осуществления.

Во время возвращения из Кельна. 16.08.2015.

Город на Рейне. Город мечты. Каким же холодным и безучастным показалось мне твоё приветствие. Ты встретил меня проливным дождём и холодным ветром. Я столько раз представляла нашу встречу солнечной и теплой, но, как известно, зачастую в жизни получается всё далеко не так, как мы того желаем. Однако сейчас я говорю тебе «Спасибо!» за такой приём. Ведь у меня осталось нежное и романтическое воспоминание о тебе. Немного грустное и серое, но, которое долгое время будет жить во мне, не засыпая. Однажды кто-то сказал мне, что очутившись у Кельнского собора я почувствую себя ничтожным крошечным человечком перед лицом такого великолепия. Однако я ощущала величие человеческого мастерства, красота собора рождала в моей душе ликующий вальс чувств восхищения и удивления. А на фоне темных туч и тяжелых капель дождя он казался грозным и немного мрачным, и все это побудило меня к мысли, что более прекрасного архитектурного сооружения я никогда не видела.

Во время возвращения из Фюссена. 22.08.2015.

Сейчас передо мной неповторимый ландшафт: замок Нойшванштайн на горе, окружённый деревьями, разукрашенными в тёмно-зеленые краски, перламутрово-голубое озеро Альпзее и замок Хоэншвангау. Ландшафт, которым я хочу любоваться вечно. Кажется, что картина, которую я сейчас вижу, – это всего лишь приятная для моего воображения фальшь, но не ошеломляющая реальность. Трудно представить, какие эмоции овладевали баварским королем Людвигом II, романтиком по своей натуре, каждый раз, когда он смотрел из окна своего замка. Мне бы хотелось увидеть Нойшванштайн ещё и осенью среди горной зелени, которую природа разукрасит в цвета нежности и наложит штрихи спокойствия и тихого счастья, среди свежести, прохладного воздуха и атмосферы величия. А зимой, должно быть, здесь и вовсе происходят чудеса и царствуют сказки.

Воспоминания о Бамберге. 17.09.2015.

Перед моими глазами всё ещё стоит волшебный город Бамберг, эта чарующая маленькая Венеция, в памяти живут узкие улицы этого города, его забавные домики со сказочными крышами, Бамберг – город непрекращающегося праздника, находясь на котором, всегда слышишь веселый шум реки Регнитц. И всё это словно вчерашний сон...

СОФЬЯ СЛИЖИКОВА

ТРИ СЛОВА

Закрываю глаза. И слышу голоса – это говорит Германия. Я сижу на лавочке на Парижской площади и смотрю на Бранденбургские ворота. Величественные, они возвышаются на фоне уже темнеющего неба, а статуя наверху тянется ввысь, словно стремясь схватить последний угасающий лучик солнца. Вокруг так шумно илюдно, удивительно, что удалось найти свободное место на скамеечке. Недалеко весело тараторят англичане. Вот тебе и Германия! В таких местах чаще услышишь китайский, чем язык этой страны. Но я сосредотачиваюсь и настраиваюсь на немецкую волну. Лучше всякой песни слушать чистую немецкую речь, улавливать все особенности её тональности и вопреки стереотипам чувствовать в ней нежность и мелодичность. Когда до меня наконец доходит, что я подслушиваю, я улыбаюсь. Пора прогуляться! Как удобно, что я отстала от группы, теперь, никуда не торопясь, можно подсчитать хоть каждый камешек на улице под липами.

Ветер приносит запах жаренного мяса из уличной кафешки. Наверняка, какой-то счастливчик наслаждается сейчас немецким шницелем и кружкой пива. А вот воздушный поток несёт с собой аромат эдельвейса из соседнего цветочного магазина. И с каждым запахом будто проносятся мимо чьи-то жизни и судьбы, особенные и неповторимые. А я бреду по улице в смешной оранжевой шапке и рюкзаком за спиной и так и хочется крикнуть: «Привет, моя Германия! Вот мы и встретились!»

Загораются огни витрин и уличных фонарей, немцы в своих квартирах зажигают лампы, и это придаёт Берлину особый шарм. В многонациональной толпе берлинских улиц ты чувствуешь себя частью чего-то большого и важного, будто этот немецкий воздух объединяет всех тех, кто им дышит. Но в тоже время ты один и вся Германия – только твоя! Это невероятное чувство не покидало меня до конца моей прогулки. Я бросаю взгляд на циферблат своих часов. Уже поздно, нужно направляться к автобусу, чтобы не уехали без меня. Так не хочется прерывать это свидание с Германией! Я стою под Бранденбургскими воротами. Нужно загадать желание. Дотронувшись до холодного камня, я шепчу три слова...

За окном автобуса в последний раз мелькнула Парижская площадь и верхушка Рейхстага. В автобусе тепло и уютно, я удобно устроилась на сидении и написала на запотевшем от дыхания окне три слова: «Хочу сюда вернуться».

Открываю глаза. Над столом карта Германии и плакат с видами Дрездена и Потсдама. Прямо под карту я вешаю мою фотографию на фоне Бранденбургских ворот. Я улыбаюсь. Я знаю – мои желания исполняются...

ПЕРЕВОДЫ

НІЛ ГЕЙМАН

ЗАБАРОНЕННЫЯ НЯВЕСТЫ АБЯЗЛІЧАННЫХ РАБОЎ
У ПАТАЕМНЫМ ДОМЕ НОЧЫ ВУСЦІШНАЙ ЖАРСЦІ

I.

Недзе ўначы хтосьці пісаў.

II.

Яна безупынна бегла ўздоўж прысадаў, і жвір хрусцеў у яе пад нагамі. Сэрца грукатала ў грудзях, падавалася, ад кожнага новага ўздыху халоднага начнога паветра выбухнуць лёгкія. Яна не зводзіла позірку з дома наперадзе, самотны агеньчык з верхняга пакоя прыцягваў яе да сябе, нібы мятліка да полымя свечкі. Над галавой і з боку лесу, што высіўся за домам, даносіліся віскат і гаркатанне начных стварэнняў. За спінай на дарозе пачуўся нечы кароткі ўскрык – далібог, каб гэта маленькая жывёліна стала ахвярай якогасці драпежніка, але ў гэтым нельга не быць упэўненым.

Яна бегла, нібы ёй на пяткі наступалі легіёны апраметнай, яна не асмелывалася нават азірнуцца, пакуль не дасягнула ганка старога фальварка. У бляклым месячным святле белыя калоны падаваліся шкілетам, косткамі нейкай вялізарнай пачвары. Яна прыціснулася да дзвярнай рамы, хапаючы ротам паветра і ўтаропіўшы позірк на прысады, што губляліся далёка ўнізе, затым застукала ў дзверы – спачатку нясмела, а потым мацней. Грукат адбіўся па ўсім доме. Рэха ад яе ўдараў вярнулася назад, і ёй падалося, што недзе далёка ў іншыя дзверы грукат нехта прыглушаны і мёртвы.

– Прашу! – закрычала яна. – Калі тут хтосьці ёсць – хто-небудзь – адчыніце. Заклінаю вас. Малю вас. – Яна не пазнала свой голас.

Дрогкае святло ў верхнім пакоі прыцімнела і згасла, а потым з'явілася ў суседнім вакне ніжэй. Чалавек, са свечкай. Святло знікла ў глыбіні дома. Яна паспрабавала супакоіць подых. Падавалася, прамінула цэлая вечнасць, пакуль на тым баку дзвярэй пачуліся крокі, а ў расколіне ў нязграбна асаджаных дзвярных вушаках паказаўся праменьчык святла ад свечкі.

– Там ёсць хто? – сказала яна.

Прагучаў сухі, як старая костка голас – голас ссохлы дазвання, падобны да хрумсту патрэсканага пергаменту і цвілых магільных вянкаў.

– Хто там крычыць? – сказаў чалавек. – Хто грукоча? Хто крычыць у самую ноч усіх начэй?

Голас не прынёс ёй спакою. Яна зірнула ў ноч, якая ахутвала дом, а потым выпрасталася і, прыбраўшы з твару пасмы колеру груганова п'яра, прамовіла голасам, які, яна спадзявалася, не выдасць страху.

– Гэта я, Амелія Эрншоў, я не так даўно асірацела і зараз кіруюся на пасаду гувернанткі да двух маленькіх дзетак – хлопчыка і дзяўчынкі – лорда Фалканмера, чые суровыя позіркы падчас нашай гутаркі наконт працы ў ягонай лонданскай рэзідэнцыі падаліся мне аднолькава агіднымі і прыцягальнымі і чыё арлінае аблічча дасюль наведвае мяне ў мроях.

– А што вы тады робіце тут, каля гэтага дома, у самую ноч усіх начэй? Замак Фалканмер на добрыя дваццаць ліг адсюль, за тванямі.

– Фурман – хамавітая асоба, быццам нямы, ці хіба ўдаваў на тое, бо ён не вымавіў ні слова, а чаго хацеў, ён даваў знаць буркатаннем і кулдыканнем – правіў коньмі недзе з мілю па гэтай дарозе, я так мяркую, а потым жэстамі паказаў, што далей ён не паедзе і што я мушу высадзіцца. Калі я адмовілася, ён груба выпіхнуў мяне з карэты на халодную зямлю, а потым пусціўшы коней у шалёны намёт, прагрукатаў у тым кірунку, адкуль прыехаў, і звёз з сабою мае валізы і сумку. Я клікала яго, але ён не вярнуўся, а потым мне падалося, што ў лясной цемры за майай спінай заварушыўся яшчэ глыбейшы змрок. А потым я ўбачыла святло ў вашым акне і я... я... – Яна больш не магла ўдавацца за смелую і заплакала.

– Ваш бацька, – прамовіў голас за дзвярыма. – Ці не быў тое вельмішаноўны Х'юберт Эрншоў?

– Так. Так, гэта быў ён. – Слёзы былі нахлынулі, але Амелія праглынула іх.

– І вы – вы казалі, што вы сірата?

Яна ўзгадала бацьку і ягоны твідавы пінжак, а затым водную крутаверць, якая падхапіла яго і распяскала па скалах, а потым знесла прэч ад яе назаўжды.

— Ён загінуў, спрабуючы выратаваць маю маці. Яны абодва захлынуліся.

Пачулася прыглушанае бразганне ключа, які паварочваўся ў замку, затым два разы прагуло – жалезныя засаўкі адцягнуліся назад.

— У такім выпадку вітаю вас, міс Амелія Эрншоў. Вітаю вас на вашай спадчынай зямлі, у доме без назвы. Так-так, вітаю вас у самую ноч усіх начэй. – Дзверы расчыніліся.

Мужчына трымаў чорную сальную свечку, яе дрыготкае святло асвятляла ягоны твар знізу, надаючы яму звышнатуральны і жудасны выраз. Ёй падумалася, што ён падобны да гарбуза на дзень усіх святых ці да састарэлага забойцу з сякерай.

Ён паказаў пальцам у дом, запрашаючы яе ўвайсці.

— Чаму вы ўвесь час гэта гаворыце? – спыталася яна.

— Што я ўвесь час гавару?

— Пра самую ноч усіх начэй. Вы казалі гэта ўжо тройчы.

Ён утаропіўся ў яе на імгненне. А потым зноў падазваў яе пальцам колеру аголенай косткі. Не паспела яна ўвайсці, як ён падсунуў ёй свечку да самага твару і ўтаропіўся ў яе вачамі, калі і не ўтрапёнымі, то дакладна недалёкімі ад вар'ятства. Падавалася, што ён вывучае яе, урэшце ён нешта прабуркатаў і кінуў.

— Ідзіце сюды, – быў увесь адказ.

Яна пашла за ім па доўгім калідоры. Святое полымя адкідвала нерэальныя цені над іхнімі галавамі, дзедаў гадзіннік, вітыя крэслы і стол таньчылі і скокалі ў ягоным святле. Стары пакруціў у руках ланцужок с ключом і адчыніў дзверы пад сходамі. Адтуль з цемры патыхнула цвіллю, пылам і занядбанасцю.

— Куды мы ідзем? – запытала яна.

Ён кінуў, быццам не зразумеў яе словаў. Потым сказаў:

— Некаторыя з'яўляюцца такімі, якія яны ёсць насамрэч. А некаторыя не з'яўляюцца такімі, якімі яны падаюцца. А некаторыя падаюцца такімі, якімі яны насамрэч толькі падаюцца. Запомні мае словы, добра запомні іх, дачка Х'юберта Эрншоў. Ты мяне разумееш?

Яна хітнула галавой. Не азіраючыся, ён рушыў далей.

Яна пайшла ўслед за старым уніз па сходах.

III.

Недзе далёка ў прасторы і часе малады чалавек адкінуў пяро на рукапіс, распяскаўшы сепійны атрант па стосе паперы і паліраваным сталі.

— Дрэнна, – панура прамовіў ён. Танюткім пальчыкам ён крануў цёмна-карычневую атрантавую кроплю на сталі і раскромзаў яе па сталі з ціку, а затым, забыўшыся, тым жа пальцам пацёр пераноссе. Засталася цёмная пляма.

— Дрэнна, сэр? – Дварэцкі ўвайшоў амаль бязгучна.

— Гэта зноў здарылася, Тумбз. Вылазіць гумар. На ўскрайках дэталіў вышэптываецца самапародыя. Я ўсвядоміў, што літаральна насміхаюся з традыцый і знішчаю і сябе, і ўсё літаратурнае рамяство.

Дварэцкі не міргаючы глядзеў на свайго маладога гаспадара.

— На маю думку, гумар вельмі высока каціруецца ў пэўным асяроддзі, сэр.

Малады чалавек занурыўся тварам у далоні і, перапоўнены думкамі, расцёр пальцамі пляму па ілбе.

— Справа не ў тым, Тумбз. Я тут спрабую стварыць зрэз жыцця, скрупулёзнае адлюстраванне свету і грамадства такімі, якія яны ёсць. А замест гэтага я ўсведамляю, што падчас пісання ў мяне атрымліваецца школьная пародыя на астатніх пісьменнікаў. Я пускаю маленькія жарцікі. – Ён расцёр атрант па ўсім твары. – Вельмі маленькія.

З забароненага пакоя зверху вырвалася жудаснае скуголістае выццё, якое пракацілася рэхам па доме. Малады чалавек уздыхнуў.

— Час карміць цётку Агату, Тумбз.

— Добра, сэр.

Малады чалавек падняў пяро і лена паказываў кончыкам у вуху.

За яго спінай вісеў цмяна асвечаны партрэт ягонага прапрадзеда. Намалёваныя вочы з усёй магчымай пільнасцю былі выразаныя шмат гадоў таму, і зараз з аблічча на партрэце таропіліся вочы сапраўдныя, яны скіроўвалі позірк уніз на пісьменніка. Вочы бліснулі жоўтым, амаль залатым колерам. Варта было маладому

чалавеку азірнуцца і заўважыць іх, мажліва, ён бы ўважыў іх за вочы якойсьці вялікай кошкі ці нейкай выродлівай драпежнай птушкі, каб такое было імаверным. Вочы не належалі чалавечай істоце. Але малады чалавек не абярнуўся. Замест гэтага, ён, забыўшыся на ўсё, пацягнуўся за новым аркушам, акунуў пяро ў шкляную чарніліцу і пачаў пісаць:

IV.

– Так-так, – сказаў стары, паставіўшы чорную сальную свечку на маўклівы клавесін. – Ён – наш гаспадар, а мы – ягоныя рабы, хоць мы і даводзім самі сабе, што гэта не так. Але калі прыспее час, тады ён запатрабуе, чаго хоча, а нашым абавязкам і гнётам будзе даць яму тое... – Яго перасмыкнула, ён уздыхнуў. Затым ён прамовіў: – Тое неабходнае.

У акне без шкла закалыхаліся і затрапяталі фіранкі ў форме кажановага крыла, навальніца падкаціла бліжэй. Амелія прыціснула да грудзей карункавую насоўку з бацькавай манаграмай.

– А брама? – шэптам спыталася яна.

– Яе зачынілі ў часы вашага продка, і перад сваім знікненнем ён загадаў, каб яна заўсёды заставалася зачыненай. Але людзі кажуць, што яшчэ існуюць тунэлі, якія злучаюць старыя крыпавыя скляпенні з могілкамі.

– І першая жонка сэра Фрэдырыка?..

– Безнадзейна звар'яцела, – ён сумна захітаў галавой. – Дый на клавесіне грае пасрэдна. Ён разнёс па наваколлі, што яна памерла, мабыць, хтосьці яму і паверыў.

Яна паўтарыла апошнія словы. Потым яна зірнула на яго, у яе позірку чыталася расшучасць.

– А што наконт мяне? Зараз я ведаю, навошта я тут, што вы параіце мне зрабіць?

Ён акінуў вокам пустую залу. А потым хутка прамовіў:

– Уцякайце адгэтуль, міс Эрншоў. Уцякайце, пакуль яшчэ стае часу. Уцякайце дзеля вашага жыцця, уцякайце дзеля вашага неўміручага... а-а-а.

– Майго што? – спытала яна, але не паспелі словы саслізнуць з яе пунсовых вуснаў, як стары рынуў на падлогу. З яго патыліцы тырчала срэбная арбалетная страла.

– Ён мёртвы, – сказала яна, ў шоку ад непаразумення.

– Так-так, – пагадзіўся з ёй жудасны голас з дальняга канца залы. – Але, дзяўчынка, ён быў мёртвы задоўга да гэтага дня. І мяркую, што ён быў мёртвым жажліва доўга.

Пад яе ўзрушаным пільным позіркам цела пачало раскладацца. Плоць развальвалася, таяла і сцякала, паказаліся косткі, яны аплывалі і рассыпаліся, пакуль не засталася нічога акрамя смярдзючай зародкавай масы, якая калісьці была чалавекам.

Амелія прысела ля яго на кукішкі і макнула кончыкам пальца ў таксічнае месіва. Яна аблізнула палец і зморшчылася.

– Відавочна, сэр, кім бы вы не былі, вы маеце рацыю. – прамовіла яна. – Я б сказала, што ён быў мёртвым з добрых сто гадоў.

V.

– Я маю намерам, – сказаў малады чалавек пакаёўцы, – напісаць раман, які б паказваў жыццё такім, якое яно ёсць, і адлюстроўваў яго да самых танючкіх дэталей. Але калі я пішу, усё падаецца шлакам і недапушчальнай насмешкай. Што мне рабіць? Га, Этэль? Што мне рабіць?

– Адкуль мне ведаць, сэр, – сказала пакаёўка, маладая голая дзяўчына, якая прыехала ў вялікі дом некалькі тыдняў таму пры загадкавых абставінах. Яна раздула камінныя мяхі, агмень заззяў аранжава-белым. – Гэта ўсё?

– Так. Не. Так. – сказаў ён. – Можаш ісці, Этэль.

Дзяўчына падхапіла апусцелае вядзерца для вугля і цвёрдай хадою перасякла гасцёўню.

Малады чалавек і не збіраўся вяртацца да пісьмовага стала; замест гэтага ён, паглыблены ў свае думкі, стаяў ля агменю і разглядваў чалавечы чэрап на каміннай паліцы і два скрыжаваныя мячы, якія віселі на сцяне. Вялікі кавалак вугалю распалавіўся, і агонь зайшоўся трэскатам і іскрамі.

За спінай пачуліся крокі. Малады чалавек абярнуўся.

– Ты?

Чалавек, што стаяў насупраць, выглядаў амаль як ягоны двойнік – белая пасма ў цёмна-рудых валасах сведчыла пра еднасць крыві, іншага доказу і не трэба. Вочы чужынца былі цёмныя і здзічэлыя, рот скрывіўся ў крыводлівай і па-дзівацку рашучай усмешцы.

– Так – я! Я, твой старэйшы брат, якога ўсе гэтыя гады ты лічыў мёртвым. Але ж я не мёртвы – ці, мажліва, я больш не мёртвы – і я вярнуўся – так-так, вярнуўся са шляхоў, на якія лепей не ступаць – каб запатрабаваць тое, што па праве належыць мне.

Бровы маладога чалавека ўзняліся.

– Зразумела. Ну, прынамсі, ўсё гэта тваё – калі ты зможаш даказаць, што з'яўляешся тым, за каго сябе выдаеш.

– Доказ? Мне не трэба ніякага доказу. Я заклікаю свае правы па нараджэнні, правы па крыві і правы па смерці! – З гэтымі словамі ён зняў мячы са сцяны над камінам і працягнуў адзін свайму брату, цаўём наперад. – А цяпер абараняйся, брацік – і няхай лепшы перамога.

Сталь зазіхацела адбіткамі полымя, клінкі зліваліся ў пацалунку, сутыкаліся і зноў цалаваліся ў мудрагелістым танцы нападу і абароны. Часам танец падаваўся не болей за элегантны менуэт ці куртуазны размераны рытуал, іншым разам ён выдаваў суцэльную жорсткасць, дзікасць, якая рухалася хутчэй, чым здольна прасачыць вока. Яны ўсё кружылі па пакоі, потым рушылі да сходаў у кірунку пралёта, а адтуль уніз у вялікую залу. Яны разгойдваліся на парцёрах і жырандолях, пераскоквалі са сталоў на падлогу і назад.

Старэйшы брат быў, бадай, болей спрактыкаваным і, магчыма, лепей спраўляўся з мячамі, але малодшы рухаўся хутчэй і змагаўся як апантаны, ціснучы суперніка ўсё бліжэй да равуцага каміна. Старэйшы брат зрабіў выпад левай рукой і падхапіў качаргу. Ён рэзка крутануў ёю ў бок брата, але той паспеў прыгнуцца і адным спрытным рухам працяў брата наскрозь.

– Са мной скончана. Я мярцвяк.

Малодшы брат з выпаканым атрамантам тварам кінуў.

– Мажліва, так будзе лепей. Шчыра кажучы, я не хацеў гэтага дома і зямель. Мне толькі і хацелася адно што спакою. – Ён ляжаў там, і ягоная цёмна-чырвоная кроў залівала шэры камень. – Брат? Дай мне руку.

Малодшы брат стаў на калена і паціснуў руку, якая, падавалася, ўжо пахаладзела.

– Пакуль я не сышоў у ноч, у якую ніхто не зможа пакрочыць за мной, я мушу распавесці табе яшчэ нешта. Па-першае, я перакананы, што мая смерць здыме праклён з нашай сям'і. Другое... – Тут да яго подыху дадаўся перарывісты прывіст, гаварыць яму стала значна цяжэй. – Другое... гэта... гэта... істота ў бездані... не спускайся ў сутарэнні... пацукі... гэта – вось яно!

З гэтымі словамі ягоная галава апусцілася на камень, вочы закаціліся і больш нічога не бачылі, зноў.

Недзе звонку тройчы каркнуў крумкач. З крыптых сутарэнняў паплыла дзіўная музыка, як прадвесце пачатку абуджэння.

Малодшы брат, цяпер зноў, наспадзеў, паўнапраўны ўладальнік свайго тытула, падняў званочак і пазваніў слуге. Дварэцкі Тумбз з'явіўся ў дзвярах, не паспеў згаснуць апошні звон.

– Прыбярыце гэта, – сказаў малады чалавек. – Але глядзіце ўважліва. Ён загінуў дзеля свайго збавення. А можа, і дзеля нашага збавення.

Тумбз нічога не сказаў, толькі кінуў на знак таго, што ён усё зразумеў.

Малады чалавек выйшаў з гасцёўні і накіраваўся ў Залу Люстэрак – залу, з якой абачліва павыносілі ўсе люстэркі, пакінуўшы на панэльнай сцяне ўчасткі асіметрычнай формы – і, мяркуючы, што тут ён адзін, занурыўся ў развагі.

– Гэта якраз тое, што мне і трэба, – сказаў ён. – Прынамсі, каб штосьці падобнае здарылася ў адной з маіх гісторый – а такое здараецца ўвесь час – мяне б пацягнула дабразычліва пасмяяцца з гэтага. – Ён заехаў кулаком у сцяну, дзе калісьці вісела шасцівугольнае люстэрка. – Што са мною не так? Адкуль у мяне гэтая загана?

Нешта дзіўнае і віртлявае залапатала і заскавытала ў чорных драпіроўках на тым канцы пакоя, затым высокая ў бэльках з цёмнага дубу і за шалёўкай, але гэтае нешта не адказала яму. Ён і не чакаў адказу.

Ён узяўся па парадных сходах, прайшоўся ўздоўж зацеменнай залы і апынуўся ў кабінёце. Як ён і падазраваў, нехта параскідаў усе паперы. Магчыма, ён знойдзе парушальніка крыху пазней, вечарам пасля Сходу.

Сеўшы за стол, ён зноў змакнуў пяро і працягнуў пісаць:

VI.

Звонку ад агіды і голаду вылі лорды-кывасмокі, ахопленыя выгаладанай ярасцю, яны кідаліся на дзверы, але замкі былі моцныя, і Амелія спадзявалася, што яны вытрымаюць.

Што ёй казаў дрыгасек? Яго словы зноў згадаліся ў патрэбны момант, нібы ён стаяў побач, ягоны мужчынскі вобраз няспешна лунаў каля яе, ледзь чутны водар ягонага добра спрацаванага цела ахінуў яе нібы пранізлівай парфума, і яна пачула словы, быццам ён якраз у тое самае імгненне нашэптваў іх ёй на вуха.

— Я не заўжды быў такім, якім ты мяне бачыш зараз, мілка мая, — сказаў ён тады. — Калісьці я меў іншае імя і іншы лёс, не звязаны з дрэвамі для каміна і валкай лесу. Але ведаеш што — у сакрэтніку стала ёсць патаемнае аддзяленне, ці як заяўляў мой дзядзька, калі быў нападнітку...

Сакрэтнік! Вядома ж!

Яна памкнулася да старога пісьмовага стала. Спачатку яна не магла знайсці і следу патаемнага аддзялення. Адно за адной яна павыцягвала шуфляды, а потым заўважыла, што адна з іх карацейшая за астатнія, Амелія працягнула руку ў месца, дзе надоечы месцілася шуфляда, і знайшла кнопку на задняй сценцы. Яна моцна націснула на яе. Нешта адчынілася, і ў яе руку ўпаў шчыльна скручаны сувой.

Амелія выцягнула руку. Сувой звязвала пыльная чорная стужка, непаслухмянымі пальцамі яна развязала вузел і раскрыла паперу. Яна пачала чытаць, цяжка было разабрацца ў застарэлым почырку і старажытных словах. Толькі яна скончыла, як яе прыгожанькі тварык заліўся нябожчыцкай бледнасцю, і нават позірк яе фіялкавых вачэй, падалося, стаў разгубленым і азмрочным.

Грукат і шкрэбанне памножыліся. Неўзабаве яны сюды ўварвуцца, няма ніякага сумневу. Ніякія дзверы не змогуць стрымліваць іх вечна. Яны ўварвуцца, і яна стане іхняй здабычай. Пакуль, пакуль...

— Прыпыніцеся! — крыкнула яна дрыготкім голасам. — Я адмаўляюся ад вас, ад кожнага з вас, і больш за ўсё ад цябе, Прынц Мярцвячыны. У імя старадаўняй дамовы паміж тваімі і маімі людзьмі.

Гук суцішыўся. Дзяўчыне падалося, што ў гэтай цішыні нешта ўзрушылася. Урэшце, пачуўся надломлены голас:

— Дамова?

І ўзняты шolah незямнога паходжання, з якога выдзяляўся недзе з тузін мярцвяцкіх галасоў:

— Дамова, дамова, — слова пераносілася шэптам ад аднаго да другога.

— Так-так, — усклікнула Амелія Эрншоў, цяпер яе голас набыў патрэбную цвёрдасць. — Дамова.

Таму што сувой, схаваны на доўгі час, шмат вякоў таму быў дамовай — жаклівым дагаворам паміж уладаром дома і насельнікамі сутарэнняў крыпты. Ён апісваў і пералічваў вусцішныя рытуалы, якія стагоддзямі прывязвалі іх адзін да аднаго — рытуалы на крыві, на солі і на шмат чым яшчэ.

— Калі ты прачытала дамову, — прамовіў глыбокі голас за дзвярыма, — тады ты мусіш ведаць, чаго нам трэба, дачка Х'юберта Эрншоў.

— Нявесты, — сказала яна прама.

— Нявесты! — за дзвярыма разнёсся прышэпт, ён памнажаўся і адбіваўся, пакуль не здалося, што нават сам дом пульсуе і адказвае рэхам пад рытм гэтых словаў — тры склады, захінутыя жарсцю, каханнем і голадам.

Амелія прыкусіла губу.

— Так-так. Нявесты. Я прывяду вам нявест. Я прывяду нявест для ўсіх.

Яна гаварыла ціха, але яны яе пачулі, за дзвярыма запанавала цішыня, глыбокая і вязкая цішыня.

— Так, — пачулася шыпенне кывасмока, — як мяркуеце, ці адмовіць яна нам, калі мы да таго папросім яшчэ і тых маленечкіх рагалікаў?

VII.

На вочы маладога чалавека накаціліся гарачыя слёзы. Ён адкінуў ад сябе паперы і запусціў пяро пераз увесь пакой. Яно распырскала атрамантавыя рэшткі па прапрапрадзедавым бюсце, карычневы атрамант запэцкаў стэрыльна белы мрамур. Вялізны скрушлівы крумкач, які ўсеўся на бюсце, страпянуўся і, ледзь не залямантаваўшы, але некалькі разоў ударыў крыламі і ўтрымаўся на месцы. Потым ён адным нерашучым крокам павярнуўся, падскочыў і ўтаропіў у маладога чалавека сваё чорнае вока-перліну.

— О, гэта невыносна! — усклікнуў малады чалавек. Ён спалатнеў, яго калаціла. — Я не змагу гэтага, я ніколі гэтага не зраблю. Клянуся, усімі... — Ён завагаўся, перабіраючы ў галаве прыдатны праклён з вялікіх сямейных архіваў.

Крумкача гэта не ўразіла.

– Пакуль ты не пачаў праклінаць і, верагодна, ўзгадваць мірна спачылых шаноўных продкаў са сваіх сумленна здабытых магіл, перад усім гэтым адкажы мне на адно простае пытанне. – Голас птушкі гучаў, нібы хтосьці біў каменем аб камень.

З хвіліну малады чалавек маўчаў. Ён чуў, што крумкачы ўмеюць размаўляць, але гэты крумкач ніколі не размаўляў, і падобнага ад яго не чакалі.

– Вядома. Задавай сваё пытанне.

Крумкач схіліў галаву набок.

– Табе насамрэч падабаецца пісаць гэтую лухту?

– Якую лухту?

– Ну лухту пра жыццё, якое яно і ёсць. Часам я заглядаў табе цераз плячо. Я нават прачытаў нешта сям, нешта там. Табе падабаецца пісаць гэта?

Малады чалавек паглядзеў на птушку.

– Гэта літаратура, – нібы дзіцёнку патлумачыў ён. – Сапраўдная літаратура. Сапраўдны свет. Справа пісьменнікаў – паказаць людзям свет, у якім яны жывуць. Мы адпостроўваем яго нібы ў лостэрку.

Маланка раскалола неба. Малады чалавек выглянуў у акно: крывая паласа сляпучага агню вырысоўвала скрыўленыя пагрозныя сілуэты касцявых дрэваў і зруйнаванага абацтва на пагорку.

Крумкач прачысціў горла.

– Я пытаўся, ці падабаецца табе гэта.

Малады чалавек глянуў на птушку, а потым адвёў вочы і моўчкі пахітаў галавой.

– Вось чаму ты ўвесь час і спрабуеш усё раскрытыкаваць, – сказаў птах. – У цябе сядзіць не кпівец, які прымушае цябе крэмзаць памфлет і банальшчыну. Цябе наўпрост маркотна ад рэчаіснасці. Разумееш? – Ён замоўк, каб падправіць клявам непаслухмянае пёрайка ў крыле. Потым крумкач зноў узняў на яго позірк. – Ці думаў ты калі-небудзь пачаць пісаць фэнтэзі? – спытаў ён.

– Фэнтэзі? – Малады чалавек засмяяўся. – Паслухай, я пішу літаратуру. А фэнтэзі – гэта не жыццё. Эзатэрычныя мроі, напісаныя меншасцю для меншасці, гэта...

– А што б ты такога напісаў, каб ты ведаў, што гэта пойдзе табе на карысць?

– Я – класіцыст, – сказаў малады чалавек. Ён працягнуў руку да паліцы за класікамі – “Удольфскі замак”, “Замак Атранта”, “Сарагоскі рукапіс”, “Манах” і астатнія. – А вось гэта – літаратура.

– Нэвэрмор, – сказаў крумкач. Гэта сталася апошнім словам, пачутым маладым чалавекам ад птушкі. Ён скочыў з бюста, раскінуў крылы і спланіраваў з кабінета праз дзверы, што вялі ў прытоеную цемру.

Малады чалавек уздрыгнуў. Ён пракруціў у думках першыя ўзніклыя тэмы для фэнтэзі: машыны, фондавыя брокеры і сезонныя квітка на цягнік, хатнія гаспадыні і паліцыя, парады псіхолагаў і рэклама мыла, падаходныя падаткі і танныя рэстараны, часопісы і крэдытныя карткі, светлафоры і камп’ютары...

– Гэта жывы эскапізм, – сказаў ён уголас. – Але хіба не гэты найвышэйшы чалавечы імпульс вядзе яго да волі, хіба не ён падахвочвае чалавека да ўцёкаў ад штодзённасці?

Малады чалавек вярнуўся да стала, пазбіраў старонкі свайго незавершанага рамана і бесцырымонна закінуў іх у ніжнюю шуфляду да іншых пажайцелых мапаў, схаваных завязшчанняў і дакументаў, падпісаных крывёю. Ад устрывожанага пылу ён зайшоўся кашлем.

Ён узяў новае пяро і падрэзаў яго кончык сцізорыкам. Пяць спрытных узмахаў і падрэзаў, і новая ручка гатовая. Ён памакаў кончыкам у шклянную чарніліцу. І зноў пачаў пісаць:

VIII.

Амелія Эрншоў паклала ў тостар лусты хлеба грубага размолу і ўключыла прыладу. Яна паставіла таймер на “цёмна-карычневы”, як любіць Джордж. Самой Амеліі болей даспадобы ледзь падрумяненыя тосты. Яна таксама любіла і белы хлеб, нават калі ён не меў вітамінаў. Белага хлеба яна не ела ўжо дзесяць гадоў.

За сняданкам Джордж чытаў газету. Ён не ўздываў позірку. Ён ніколі не падымаў вачэй.

“Я ненавіджу яго”, – падумала яна, і простае выражэнне пачуцця ў словы стала для яе нечаканым. У галаве яна зноў прамовіла. “Я ненавіджу яго”. Думка гучала як песня. “Я ненавіджу яго за гэты тост, за ягоную пляшывую галаву, за тое, як ён цікуе за офіснымі малыхамі – дзяўчатамі, якія толькі выйшлі са школы і якія смяюцца з яго за спінай, за тое, як ён ігнаруе мяне, нібы ён не хоча мяне турбаваць, за тое, як ён кажа “Што, любая?”, калі я задаю яму простае пытанне, быццам ён ужо даўно забыў маё імя. Быццам ён забыў, што ў мяне нават ёсць імя”.

– Яечню ці зварыць? – уголас сказала яна.

– Што, любая?

Джордж Эрншоў ставіўся да жонкі з пашчотнай любоўю, і яго б агаломшыла, калі б ён даведаўся, што Амелія яго ненавідзіць. Ён думаў пра яе гэткім жа чынам і з такімі ж эмоцыямі, з якімі ён думаў пра іншыя рэчы, якія меліся ў гаспадарцы каля дзесяці год і якія дагэтуль добра працавалі. Напрыклад, тэлевізар. Ці газонакасілка. Ён лічыў гэта каханнем.

– Ведаеш, нам трэба схадзіць на адну з гэтых дэманстрацыяў, – сказаў ён, праглядаючы перадавы артыкул. – Паказаць, што мы таксама не абыякавыя. Га, любая?

Тостар падаў гук, што ўсё гатова. Падскочыла толькі адна цёмна-карычневая луста. Амелія ўзяла нож і выцягнула ім другую лусту, надламаную. Тостар ім падараваў на вяселле дзядзька Джон. Хутка трэба будзе купляць іншыя ці пачаць гатаваць тосты на грылі, як тое рабіла яе маці.

– Джордж? Ты будзеш яечню ці вараныя яйкі? – спытала яна вельмі ціха, і ў ёйным голасе было штосьці такое, што прымусіла яго ўзняць вочы.

– Як сабе хочаш, любая, – ветла сказаў ён, а потым да канца свайго жыцця, як ён расказваў пазней усім у офісе, так і не змог зразумець, чаму яна наўпрост застыла там з тостам у руках і пачала плакаць.

IX.

Пяро ўсё рыпела па паперы, справа паглынула маладога чалавека. Ягоны твар поўніўся дзіўным задавальненнем, а на вачах і вуснах мігцела ўсмішка.

Ён нічога не заўважаў.

Па сценавых панэлях нешта заскрыгатала і прабежлася, але ён наўрад ці гэта пачуў.

Высока на гарышчы выла, стагнала і бразгала ланцугамі цётка Агата. З боку зруйнаванага кляштара данасіўся дзівацкі гістэрычны смех: ён расколваў начное паветра, грукатаў выбухам маніякальнай весялосці. У цёмных пушчах за вялікім домам кружылі і скокалі бясформныя фігуры, а маладыя жанчыны з чорнымі, як у крумкача, валасамі злякана разбягаліся ад іх ва ўсе бакі.

– Паклянися! – у сваім склепе дварэцкі Тумбз гаварыў адважнай дзяўчыне, якая ўдавала сябе за пакаёўку. – Паклянися сваім жыццём, Этэль, што ні слова не вымавіш нікай жывой душы пра тое, што я табе распавядаю...

У вокнах з’яўляліся абліччы і словы, напісаныя крывёй; глыбока ў сутарэннях крыпты самотны крывасмок перажоўваў нешта, што калісьці было жывой істотай; падвоенныя маланкі разразалі начную цемь; абязлічаныя ўставалі і ішлі; усё ў свеце ішло належным чынам.

З англійскай мовы пераклаў Сяргей Матырка

Уважаемые читатели! Если Вы хотите, чтобы Ваше произведение было опубликовано на страницах альманаха «Литературный ОбъектИФФ», Вам следует предоставить электронный вариант рукописи. Для этого обращайтесь на кафедру мировой литературы и иностранных языков (ауд. 201) или присылайте файл в формате .doc на электронный адрес LOalmanac@yandex.ru. По всем интересующим Вас вопросам Вы можете обращаться лично к Дмитрию Лабовкину (тел. +375 29 776 86 85), Анастасии Мозго (тел. +375 29 292 67 42) и Сергею Гочакову (тел. +375 33 316 79 70).

Не ограничивайте себя рамками жанров, форм, содержания или объёма, но помните, что отбор работ проводится на конкурсной основе. Если Ваше произведение прошло конкурс, однако Вы не встретили его на страницах альманаха, оно обязательно будет издано в следующем номере.

Редколлегия

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Басарадава Т.	
Зімовае.....	3
Настрой.....	3
Над намерзлымі слізкімі дахамі.....	3
Маладосць сінявокая, дальняя.....	3
Гугнин А.	
Я в даль иду – какая бездна дали!.....	4
В апреле.....	4
В раю.....	4
А если осень на дворе!.....	4
Ах, осень пылкая моя.....	4
Если на вече собрались.....	5
Осенний дождик все сильнее.....	5
Пегас зовет в дорогу.....	5
Шуханкова М.	6
Чулова Е. Такая динамика	7
Гайдомович Е.	
Пользователю.....	8
Выходи.....	8
Космическое.....	8
Бухгалтерия чувств.....	8
Я буду сама.....	9
Давайте писать.....	9
Хлусня.....	9
Дыалог.....	9
Зенько Я.	
Не збірай має Ты карані.....	10
Бунтарский дух.....	10
Понизник В.	
Когда ноябрь почти на исходе.....	11
Природа смеется над людьми бестолковыми.....	11
Море, море.....	11
Все пыль.....	11
Взойдет луна над городом уставшим.....	11
Я знаю, есть тысячи слов.....	11
Ветра шум.....	11
Вензур Л.	
To my angel.....	12
What is magic? Super power?.....	12
Мы все мечтаем о любви.....	12
Жабенок Д.	
В конце дождливого апреля.....	13
Опустеют дворы как карманы.....	13
Вечерская Е.	
Сквозь зашпиту из плотных штор.....	13

ПРОЗА

Чулова Е. ЗЕБРА ДО 20 – НЕ ФАКТ	14
Гугнин А. Похвальное слово библиографии	15
Гайдомович Е. Проверяющий в учреждении	18
Ехилевский С. Расставание с гландами	19
Понизник В. Калейдоскоп	20
Богданова Н.	
Одиночество.....	21
Свободен.....	21
Мясникова Е.	
Хрустальный шар одиночества.....	22
Когда вырастут крылья.....	23
Мозго А. Бездомный бог	24
Красько Т. Светило солнце	27
Чернявская В. Маленький рыцарь	28
Тайнов В. Плохая сказка	30
Камилова Ю.	
Приговор.....	34
Сентябрь.....	37

ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦА

Kosturos N.	
First Snowfall in Polatsk.....	40
Arrival in Polatsk.....	40
Müller A. Begegnungen mit Polozk	41
Агеева С. Моя Германия	42
Шаран А. Игра в ассоциации	43
Трофимчук В. Дневники из Германии	44
Слизикова С. Три слова	45

ПЕРЕВОДЫ

Гейман Н. «Забароненыя нявесты абязлічаных рабоў у патаемным доме ночы вусцішнай жарсці» (Пераклад С. Матыркі)	46
---	----

ISSN 2410-8766